

23 сентября 2018 мы (Денис Черноокий и Миша Финкельберг) пришли в гости к Елене Степановне Антонюк, нашей учительнице географии в 57 школе. Мы расспрашивали её про жизнь, начиная с тех пор, как она сама училась в школе. Когда разговор завязался, мы попросили разрешения и включили диктофон. Елена Степановна рассказывала про свои школьные годы.

— ...Школы, хоть и не все, делились на мужские и женские. Ходишь, как в женский монастырь. Знаете, когда девочки одни, там такое услышишь, чего в общем коллективе девочка никогда не произнесёт. Обо всем, значит, рассказывается, что и как... Это была вот такая престижная школа. В какой-то момент¹ мама сказала, что надо платить деньги за последний класс (десятый был), а у нас денег нет, так что, мол, пропусти год. Я стала считать. Ну я, как все тогда, пошла с восьми лет. Потом год я болела — год долгой. Дальше снова болезни, я очень много в детстве болела. Думаю, ну и как же дальше-то? И я пошла в райком комсомола, сказала: «Мне надо устроиться на работу». Денег нет, надо пропускать год — я сочла это для себя недопустимым. В райкоме комсомола спросили: «Что умеешь делать?». Я говорю: «Ничего не умею». В той школе, где преподавали латынь, там всякие премудрости у нас были. . . Не просто так нас учили. Танцы: «па де де», «па де грасс» — вот такие вот. А на праздники директриса говорила девочке, которая была секретарём комсомольской организации нашего класса; она говорила: «Ира, приведи. . . Только смотри, чтоб парни были хорошие!» Вот, откуда-то нам приводили партнёров. Мы смотрели на них, как на неизвестную диковину. Если ещё в семье был у кого-то брат, знакомый брата. . . Мы все вообще, настолько идиотки были по жизни, ничего не знали. Только вот эти более просвещённые девицы тогда кое-что нам рассказывали о жизни.

Ну так вот, в райкоме говорят: «Пробирки мыть сможешь?». Я говорю: «Смогу». Меня послали не пробирки мыть, а дали направление — Завод имени Яблочкова,² тоже в этих краях, электроламповый. Ну на самом деле там и прожектора, и всё — закрытые цеха. . . И послали на этот завод. Чем заниматься? — в парткабинет. Секретаршей. Называлось «секретарь-библиотекарь». Даже от этого завода меня посылали на курсы библиотекарей, что-то полезное узнала. Моя задача заключалась в том, чтобы в обеденный перерыв посылать рабочих, которые вместо обеда, по переданному

¹1951 год.

²Сейчас это завод имени Кулакова, военный, радиоэлектронный.

мною указанию свыше, должны были слушать чью-нибудь очередную лекцию. С каждого более-менее грамотного такого учреждения преподавателей присылали читать лекцию. О чём? Каждый читал о том, что он более-менее знает. Вот у меня муж читал лекции о великой северной экспедиции. Ну у него книжка была, и потом он на севере много работал в своё время. Но это потом уже, просто он мне рассказывал, куда его посылают.

[Звонит телефон.]

Из вечерней школы она³ меня сюда⁴ перехватила. . . А перед тем последний год, когда работала в вечерней школе, из которой потом ушла, — вот здесь в переулочке. Сначала в одном переулочке — 91-я школа она называлась. Во дворе маленькая хибарка такая. Сейчас там, естественно, особнячок из этой хибарки сделали очень симпатичный. А потом нас перевели вот сюда, это называлось Тёплый переулок. Сейчас это. . . Нет, Льва Толстого следующая. . . Как называется переулок? Вот мой адрес сейчас, как там, — Тимура Фрунзе или Чудов переулок, а раньше это был Тёплый переулок. И здесь вот эта школа. Здесь был у меня мой последний класс в вечерней школе, и я ушла. Я буквально полгода проработала. . .

— Где?

— В Тёплом переулке. Перевели нашу вечернюю школу из этого разваливающегося особняка сюда⁵, кто-то уже прихватывал его. . . Уже нашлись такие умные люди. И дали мне класс, необычный для меня, целиком и полностью, как был в обычной, не вечерней, школе, с которым никто не справлялся. И первое что увидела, когда я пришла в этот класс: пацаны и немножко девчонок. Но все из одного класса обычной школы. И когда я вошла в класс — все маленькие, по возрасту, такие — как обычная детская школа.

— Ещё не рабочие?

— Нет, никто! Их послали в ПТУ, в ПТУ с ними там не справлялись, и их стройными рядами привели в эту нашу школу. Школу рабочей молодёжи. И я прямо обалдела. Когда я вошла в класс — кто где, причём почему-то чуть не на потолке, на столах, на партах, кто-то под партой. Вот все так. . . Ну я посмотрела-посмотрела. . . Думаю: «что делать, что делать?». Ну ясно, что я даже здороваться не собиралась в таком состоянии. Тогда я молча посмотрела. . . Да, и ещё, это была дружная компания, класс, который вместе пришёл

³Нина Евгеньевна Лапушкина, прежний директор 57 школы.

⁴В 57-ю школу.

⁵1971 год.

из старой школы. «А мы...», говорят, «двадцать девять учителей со света сжили!»

— То есть они ещё и считали?

— Да, они ещё и считали... Хотели сказать: «И что вы с нами сделаете?». А я так молча смотрю и про себя думаю: «что ж делать, что ж делать?». . . Все это они мне радостно сообщают, кто на парте, кто верхом друг на друге. . . Вот такое вот. Вы представляете, вот эти мальчишки, которые оторвались и хотят себя показать, это же нечто! Я тогда молча, а у меня такой чемоданчик был вместо портфеля, открываю чемодан и достаю — пачка «Примы», красная она была, сигареты. Молча положила, достала спички. . . А сентябрь. . . Подхожу к окну, приоткрыто оно было, открываю шире. Медленно вот так вот, знаете, готовлю сигаретку. . . Мундштучок достаю. . . Закуриваю и молча в окно курю. Через минуту я смотрю — тихо становится. Когда стало совсем тихо, ну мёртвая уже тишина, — погасила сигарету; не с сигаретой во рту, конечно, и говорю: «Вот, кажется, можно поздороваться. Здравствуйте, товарищи!». Зауважали сразу. Они ожидали, что будут «Тише!» говорить им, «Как вы себя ведёте?». Я ни слова не сказала на эту тему. Я получила информацию, что они со света сжили два десятка с лишним, почти три десятка, учителей, и перешла к делу: «Ну, кажется, можно и работать начинать. Я буду заниматься с вами тем-то» — и так далее. Никаких правил, как себя вести, не произнося нотаций, сразу к делу. Я уверена, что всё пошло путём из-за этой сигареты. Потому что — учитель на уроке курит — как это можно? Сразу понятно, что учитель какой-то не такой!

Я полгода проработала, и потом меня позвали в научно-исследовательский институт, в который я когда-то хотела попасть. Но тогда прошло уже, сколько, пятнадцать лет, и меня позвали. И я там проработала полтора года. . . Мне так тошно стало, я не могу. . . Куда я рвалась? Это такое болото! Господи, моя вечерняя школа — это рай! НИИ СиМО — научно-исследовательский институт содержания и методов обучения, вот так. А Нину Евгеньевну перевели из этой, из вечерней, в 57-ю детскую школу. Ну, естественно, она меня просила в школе заменять, и я заменяла, переходя в Институт. Но она понимала, что я не идиотка, в Институте делать нечего; единственное, что мне там нравилось — посылали в командировки, читать лекции. Меня везде там хорошо принимали. Ну потому что я лекции не занудно читала, а просто как нормальный человек разговаривала с учителями. И, наоборот, если я один раз была, значит меня второй раз позовут. В Орел, в Калугу, в Коми я любила ездить, в республику Коми, там очень публика интересная, с северов

приезжали. То есть я развлекалась, собирала себе какую-то информацию по географии, потому что очень важно же что-то видеть... Ну вот так вот. И когда я ушла, даже Яник мой... Вы знаете, о ком я говорю? Нет? Яников, такой высокий, застали его, да?

— Нет, к сожалению, нет...

— А, вы не застали.

[Телефонный звонок.]

Нина Евгеньевна, «как дела?» (смеётся). Между прочим, мне 85, а ей 92. Она на 7 лет старше. Ну она, как Ян про неё говорил, «шило в зад». Она всё время что-то вечно делала, крутилась. Правда, один раз она мне чуть карту не испортила. Многослойная фанера, уже отполированная поверхность была (в этой школе осталась), карта Советского Союза. А Нина Евгеньевна, она знаток географии, а ещё и в Средней Азии, там граница идёт, а она мне реку стала вместо границы...

— Рисовать?

— Там всё было уже нарисовано! Ну, линиями просто подводить. Ну я вовремя успела остановить её деятельность. Но зато я ей со своей стороны устроила. Мой муж был старше меня на 22 года — это мой преподаватель из вуза. Он не сразу мужем официальным стал, но в конце концов стал. Мы с ним сотворили... Я, наверное, подначила, а он, наверное, сделал. Где-то нашли вывеску «Осторожно! Убьёт!» такую, стандартную. Ну Ян её прикрепил на дверь директора школы, то есть Нины Евгеньевны. Ну она жалуется мне на свою жизнь и говорит: «Вот, какие-то сволочи...». Ну, короче говоря, я в конце засмеялась, а она говорит: «Ты что?». Я говорю: «Да это мы!». Так что я сама набралась всяких хулиганских манер, что мне иногда помогало в общении.

Но когда я попала в эту престижную пятьдесят седьмую... Ничего не было! Географии вообще! Ни карт... Господи, я не могу, как вот люди живут, преподают географию годами — и у них ничего нет? География — это такой предмет, мне кажется, всё нам надо, всё! Потому что и показать природу, и производство... Ну и времени нам очень мало дают.

— А откуда же вы всё раздобыли, что сейчас в кабинете есть?

— Из своей зарплаты, из зарплаты мужа...

— А, то есть покупали постепенно?

— Ну, конечно... Нет, кое-что, какие-то копейки выдают на «вот это ты должен купить». Понимаете? Из списка такого специального. Но из официального списка там не разгуляешься... Я всегда сама покупала, когда была такая возможность. Но это мелочь всё.

А так — начинаешь рассказывать, кто-то чего-то привезёт. Люди ездят, у кого-то дома лежит. Сколько я шикарных вещей собрала ещё в вечерней школе, но правда я там честно оставила. Точно так же, уходя из 57-ой, оставила, хотя даже некоторые вещи как бы мне надо было забрать. Они из дома. Там, гжель, всякие вещи... Ну, подумаешь, а что я с этим буду делать? Нет, пусть будет в школе. Но дело в том, что там это добро оказалось в руках других людей, и я боюсь, что уже ушло. Вот этого я боюсь, не хочу. Потому что попадётся рано или поздно какой-нибудь работяга, который это сумеет на уроке использовать. Это ж надо ещё сообразить, где это можно использовать. Я вон из Якутии шапку привезла, она у меня там. Детям показываешь, олений мех сыпется, когда её трясешь... Но почему: у неё волосок такой, на тоненькой ножке. Предположим, он такой, а ножка совсем тоненькая. А внутри вот этой расширенной части полости пустые и в них воздух. И он очень лёгкий, и в то же время тёплый.

Когда на конкретном примере показываешь, дети почему-то начинают сразу слушать. Поэтому иметь на уроке географии нужно очень много чего, можно показывать и делать, я уж не говорю про карты — это святое для географа, который должен научить детей делать эту карту. Но тоже, опять, можно напугать картой, а можно, чтобы они её как-то любили. Ну уж не чтобы любили, но хотя бы делали. Потому что всех не заставишь же любить, это же невозможно. Во всяком случае, считаю, никуда не денешься от неё. Единственное что, я просила родителей, если у детей со зрением плохо, сообщить, и я тогда освобожу. Но никто не подавал мне никаких сигналов, хотя были ребята с плохим зрением. Вот я сейчас ослепла, ни черта не вижу, и, к стыду своему, когда говорят: «Хакасия», а я начинаю думать: «Черт побери, где — на Кавказе или на Алтае?». Вы представляете, до чего дожила? Понимаете, всё уходит! А так взгляну, а на карте уже всё, серое такое пятно. Большие атласы, парочка у меня есть нормальных атласов дома — и всё. Так что вот такие мои пироги! Так, теперь про вас давайте!

— А вот в кабинете было много минералов, а откуда минералы взялись?

— Собирала отовсюду. Ну, во-первых, есть официальные коллекции. Они дерьмовые, но все-таки основа. И если начать с них хотя бы, то приходят люди, те же ребята, те же родители приходят на родительское собрание, посмотрели — «Ой, а у меня дома лежит!».

— Кстати, понемножку приносили... .

— Конечно, конечно. Нет, специально я не обращалась. Но всегда находятся люди, которым это интересно... . Подарок моему мужу

студентки подарили, из янтаря такая картинка. Там даже написано: «Любимому учителю Яникову Георгию Владимировичу». Я думаю: «Ну что, я заберу, помру и всё!» Понимаете? Всё, конечно, зависит от того, какие люди в школе будут. Сейчас я не очень уверена в них, как они работают, но я примерно представляю. Всё равно, надеюсь, не разорят. Потому что там есть вещи, которые стоят очень дорого. Особенно большие атласы, у меня часть из них старинные атласы. Это я сейчас здесь живу, а я ездила с квартиры на квартиру, по милости моей дочери. Ну и что? Лучше было с собой таскать? Одно место, одно пожизненное моё. Поэтому я ничего, так сказать, дома не прятала, а старалась все в тот дом отправлять.

Попадётся хороший учитель, который любит это дело. Даже не географию любит, а хотя бы любит книги; понимаете, здесь даже необязательно быть хорошим географом, а почувствовать. Библиотека просто прекрасная географическая, причём я уже и её пополняла из дома. Остались дома всякие художественные книги, а всю мою географию (у меня дочь ненавидит мою географию и меня заодно) дочери не надо. Ну, естественно куда я её? В школу. . . Ну здесь немножко осталось географии, такое, знаете, фундаментальное — то что для школы, может, и не обязательно. Но и это я бы отнесла, потому что там попадётся нормальный географ (ну нормальный, необязательно какой-нибудь там специальный). Он это поймёт. Единственное, там одна дама не прочь и сбегать не за так. Этого я боюсь, конечно. Потому что вещи ценные. А потом, когда люди видят, что всё идёт в дело — родители приносят, и даже просить мне не надо. Поэтому, иногда ваши родители после заходили ко мне и начинали со мной беседовать на географические темы. Были вещи, которые вот так появлялись. Единственное, я никогда не вела нормального учёта — чтобы записать там, что есть. Вот это плохо, но это мой грех такой. Вечно некогда. В школе когда работаешь, времени нет.

— Вы сразу же начали делать подсобку, как только пришли в школу?

— Конечно, да.

— Сначала закрыли туалет и стали делать подсобку?

— Нет. Как это закрыла туалет? Закрыть туалет — это была целая эпопея. Я Нине Евгеньевне говорила, у меня в вечерней школе сначала была подсобка для всех карт. . . Вот знаете, так лестница вверх идёт узкая, а под лестницей вот этот угол, пространство. И там лежало (это в вечерней школе) несколько карт от предыдущего учителя. Я там уже начала думать. Причём начала я с какой-то

ерунды и получила сразу выговор от своих учеников. Каких-то березовых поленьев я просто принесла, чтобы кабинет на географию был как-то похож. Ну, березовые поленья характерные, сзади вроде какой-то ограды сделала — получилась природа. А кто-то выступил, причём в вечерней же школе не думают «можно», «нельзя», прямо на уроке прерывают, неважно это. . . «Что это Вы выставили эту березу? Вы же её где-то срубили!» — выговор я получила. Я говорю: «Срубила не я, но раздобыла там-то, там-то. . .» — стала оправдываться. Вообще ученик имеет право сказать? Имеет право сказать! Но там, в вечерней школе, была одна вещь прекрасная: все ребята были «с руками», рукастые. Что здесь, в 57-ой — редкий случай. Очень быстро у нас, к сожалению, начался процесс переезда из одной школы в другую. То есть я не успела как бы идею создать. Но я помню, что основательную карту Москвы там из готового чего-то сделала. Не сама придумала.

И первые коллекции начали собираться там. У меня, правда, увели несколько брильянтиков. Вот такие подставочки, вот такое стекло. И там я стала выставлять все, что собиралось, чтобы видели. Тем более, подсобки там не было, в алсуфьевском. Как не было, так и не было. Чтобы работать, надо же место где-то? Но там был подвал, который я откопала, потом мы с ребятами, там он был завален чёрт-те чем. . . У меня уже стали появляться планы, что на потолке можно что-нибудь изобразить, параллели-меридианы натянуть. . . А вот здесь как сняли до ремонта, так и всё — и никто не собирается ни параллели, ни меридианы натягивать. А у меня были натянуты здесь. И Ян ещё точно мне делал, со своими инструментами, там угол определенный есть между географическим меридианом и магнитным, и так далее. . . Он принимал очень активное участие в моей жизни, моей работе. Как по-мужски-то сказать. . . отмазывался за свои грехи.

Потом один раз со мной случилась такая вещь, что на меня напали в подъезде в нашем доме в переулке Островского, тоже здесь сравнительно недалеко. . . Это улица Кропоткинская, Дом Учёных где, вот там переулочек. . . Милиция в двух шагах, посольство на посольстве понатыкано, датское, австрийское и так далее. . . И я всегда ходила, возвращалась из вечерней школы в 11-12 ночи. Никогда в жизни не было, чтобы я чего-то боялась. И на кухне (коммуналка, естественно) накануне этого события был такой разговор. Две женщины обсуждают — одна пожилая и опытная, которая нас учила жить, держала нас в твердых руках таких, что можно делать, что нельзя — когда подметать, как закрывать — в общем, Матрёна Филипповна, короче говоря. Правда, уму-разуму учила!

Вторая прошла войну. Она переходила от Керчи, там пролив, она это случайно рассказала. Муж у неё немножечко такой писатель, не от мира сего, закрытый. И хорошая охотничья собака у них у входа. Почему-то разговаривали на тему, что, когда что-то происходит — надо кричать. А я со страха всегда молчу. Мне везло: были случаи в переулках здесь, выходишь из переулка, в переулках обязательно какая-нибудь шпана встречается. Начинают приставать с вопросами, а я всегда улыбаюсь и начинаю тоже вроде вопросы задавать невпопад. И мне говорят: «Ой, она маленькая!». На этом все приключения кончались. Поэтому я как-то и не боялась, был опыт такого общения с людьми нехорошими явно, но мне сходило с рук, причём я знала точно — надо улыбаться! Не говорить «чего пристали?», а что я дурочка из переулочка, короче говоря. И вот, в этих краях приставали, здесь рабочий класс живёт. А там престижное всё, в переулке Островского-то. Мёртвый он назывался раньше, до Островского. Ну а сейчас по-моему Мёртвым его не переназвали.

Короче, мы поговорили, а на следующий день я иду спокойная, расслабленная, чемоданчик у меня был такой вот маленький, поднимаюсь. Уже второй этаж, а у нас третий. Но этажи высокие, это старый дом, дореволюционный, и у нас два входа: с переулка и со двора. И вдруг меня кто-то, я не слышала ни шагов, ничего, хватает, извините, между ног и закрывает рот. . . И я руками отдираю его руку, и я сразу вспомнила, что надо орать — и я так заорала, что испугалась своего голоса! Не этой скотины, а такого истошного крика. И то ли от голоса, но в это время сосед, писатель с собакой, выскочил. Рядом с дверью они услышали мой истошный крик, и он тоже. . . Тот меня бросил сразу, портфель мой вылетел сразу же, с самого начала. Шапка полетела, и он кинулся вниз. А я кинулась за ним! И сказала: «Сволочь такая!». Подобрала шапку, всё, в это время сосед вышел. Меня трясло естественно, но всё-таки я свой долг выполнила, сказала, кто он такой.

Муж в это время спал, ничего не слышал. Но он сразу пошёл в соседнюю милицию. Там потом чего-то было с этим мужиком, его отловили. Что дальше — я не знаю. Но как мне помог вот этот разговор! Накануне в голове было — что надо кричать — эти слова у меня соседкины выплыли — и я заорала. На следующий день собираюсь в школу и кладу молоток. Увидел муж — сказал: «Ты что, с ума сошла! Тебя же этим молотком!». И вот с тех пор — он же в вечернем институте работал — он каждый мой рабочий день стал приходить в эту вечернюю школу. А мне географию всегда

ставили напоследок: в одиннадцать-полдвенадцатого ночи я заканчивала, представляете? А у него уже, хоть он тоже в вечернем тогда работал, такого безобразия, конечно, не было, как у нас — в двенадцать ночи. Причём ещё ученики подходят после уроков с вопросами. Он, бедолага, сидел и всех там просвещал. Но меня, глядя на него, все мужики зауважали. Ученики, в смысле, мужского пола. И мальчишки, и взрослые. И он там им лекции читал, пока я разбиралась, у кого посмотреть карты, ещё что-то и так далее. И вот так до конца моей работы.

Думаете, от большой радости он табличку Нине Евгеньевне «Осторожно! Убьёт!» повесил? Нина Евгеньевна мне с возмущением рассказывает, а я слушаю и улыбаюсь. И вдруг она прозрела! «Ты что улыбаешься?». Я говорю: «Да это мы с Яниковым!». С кем поведёшься — от того наберёшься, понимаете? Меня всё время подмывало иногда похулиганить. Что-то такое сделать, что нельзя делать. Видимо, в детстве не хватало таких возможностей. Сначала эта 29-я школа «женский монастырь». Но вы же не за этим пришли?

— За этим! За этим в точности и пришли!

— Ну так вот хочется как-то осмыслить жизнь... Тогда я начну просто с детства. Родилась я на Зубовском бульваре, дом 12. Сейчас там новости всякие, агентство печати. Крайний дом 2 — это музей Москвы, дальше дом 4, дом 6, дом 8, дом 10 и дом 12. Следующий дом — 14 — был уже приличный, а это все небольшие особнячки. Наш дом 12 — это был особнячок такой небольшой. С детства отца не помню... Помню, единственное что, отдельные штрихи: кровать, я выкидываю одеяло, отец смеётся, мама шипит. Посмотрев на отца, я радостно так делаю несколько раз. Я помню, мне очень нравилось, что папа смеётся. А что мама там шипит — это я игнорировала. Вот это я помню. Я помню то время, когда посередине Зубовского бульвара был именно бульвар. Я с няней гуляла — видимо тогда такая была возможность, но у меня была няня, это я точно знаю — и навстречу идут папа и мама. И я бегу к ним — все, больше ничего не помню. Помню — отец приходит, вынимает, видимо, апельсин — что-то яркое, оранжевое — запомнила на всю жизнь, потому что это было что-то необычное, этого не было каждый день. И этим мы занимаемся... Вот, наверное, все мои воспоминания об отце...

— А кем он работал?

— Если бы я знала... Была наука психотехника в 30-е годы. Её ликвидировали. Она была объявлена буржуазной — тогда многие науки были объявлены буржуазными. Но переделались они в психологов — и мама, и отец. В Ленинском пединституте это было.

Отец — с Западной Украины, из Польши, короче говоря, Холм город. Они бежали от войны 1914 года, семья вся бежала. Это то, что я знаю; то, что постепенно узнала. Мама на тему отца говорить вообще отказывалась. Нет и всё, как бы у меня не было папы. Дальше помню. . .

— То есть его арестовали?

— Да! Но его арестовали, когда он работал уже на Дальнем Востоке. Это я по документам знаю. Заведовал отделом народного образования Хабаровского края.

— А вы оставались в Москве или тоже туда поехали?

— Нет, я там не была, мама там не жила — мама туда ездила. Его арестовали и сразу расстреляли. . . Но при таком аресте маму должны были забрать отсюда и её посадить. А меня должны были переименовать — дать другое имя-фамилию — и отправить в детский дом. Но это я потом узнала уже, какие там правила действовали. Меня каким-то образом мама сумела отправить в Курган к бабушке.

— А сама тоже спаслась как-то?

— Да. Я думаю, это дорого стоило. Потому что потом последующая жизнь была: раз в год — психушка. Ну, раз в два года. Но это было обязательно, насколько я знала. Жизнь была, в общем, покалечена. Но при этом, я так понимаю, нехорошо про маму говорить так, но она как-то приспособилась к этой жизни. Потому что в случае чего — она писала какое-то послание куда-нибудь в райком партии, или ещё выше, или в газету — и всё налаживалось. Потому что с моей мамой был такой случай, который бы никогда никому не прошёл даром.⁶ Отношения у меня с мамой были никакие. Она была вся сосредоточена на себе, вдруг она вспоминала, что у неё есть дочь, она меня начинала обшивать-одевать, потом опять она в своих мыслях, со своими знакомыми психологами. . . Знакомые — только профессура.

— А, это вы уже жили в Москве опять вместе?

— Да, это уже мы вернулись из эвакуации после войны. А что было до войны? Вот буквально ничего! Вот идёт навстречу папа. . . Что был у меня отец — я не помню, вот уже в таком возрасте — пять-шесть лет — не помню. Я помню выкидывание одеяла из кровати и всё! Ещё он мне объяснял, что у курицы только две ноги.

⁶Соседи в коммуналке стали ломиться в нашу комнату, чтобы проверить, не пользуемся ли мы неполюженными электрическими приборами (например, у нас была кофемолка, а счётчик был общий на всю квартиру). Мама достала из платяного шкафа пистолет её брата дяди Яши (а я и не знала, что у нас был пистолет), навела на соседей и распугала их.

Потому что тогда курица была редким таким блюдом, не каждый день. Вот это я помню, что больше ног нету. Ну и всё.

— А в эвакуацию вы из Кургана поехали?

— В Кургане... значит, так. Бабушка была из каких-то, видимо, комсомолок периода революции. Какая-то делегатка она была, куда-то она вечно носилась. Дом... вот почему-то помню... Проходная улица, дом 8. Деревянный дом: половина дома наша, половина соседей. Заборы там, как везде, наверное, в Сибири — высоченные и сплошные. То есть что во дворе — не видно. Во дворе — огород. Я помню, ходила в этом огороде, рвала что мне нравится, пробовала на зуб, ну и ничем плохим не кончалось это. Мытое, немывое — не имело значения. Однажды приезжает туда мама. Ландо такое, лошади и такая красивая карета изогнутая. Она вся из себя разодетая, как здесь вообще никто не одевается, красивая. Я выхожу навстречу, она открывает дверь. Первое, что я слышу — вот память детская — «Ой, какая ты грязнуля!» Первая встреча с мамой, да? И я слышу такую фигню. Вот запомнила я, вредная! Она побыла какое-то время, уехала... Я ходила в детский сад, там, в Кургане. Как-то я к этому относилась спокойно: все ходят, и я хожу. Но надо было... Там озеро было, зимой оно замерзло. И в первый год, когда оно замёрзло, с кем-то я ходила, не помню... Один раз мы пошли группой ребят одни через озеро. Все пошли в одну сторону, я пошла в другую. Причём мне говорили, что я неправильно иду домой. А я была уверена, что я правильно иду. Одна попёрлась!

— И что же?

— Ну что, и не знала куда идти. Меня потом разыскали там с милицией. Приехала в этот день младшая сестра мамина с мужем — он полковник такой. Там подняли на ноги всю милицию, где-то меня нашли. Как меня нашли, я не помню, помню только ощущение ужаса, что я не понимаю, когда это все кончится. Всё белое, и я куда-то иду.

— Но Вы не замерзали?

— Нет. Ощущения, что я замёрзла, не было. Такие у меня недуманные поступки уже с детства были. Потом, в конце концов, меня привезли в Москву.

— Это до войны?

— Это ещё до войны, да. Мама решила меня обучать правильным манерам и правильно разговаривать. И почему-то она объяснила мне, что я должна говорить ей «Вы».

— Ого! А это всё в той же квартире?

— Да, в той же. Но отца не было уже. Кто-то мне сказал, что на «вы» разговаривают на Украине. Не знаю кто, из соседей. Соседей — 50 человек! Один туалет, один умывальник, раковина. Ванна не работала, поскольку она была печная. Потом, когда провели газ — а газ у нас строили пленные немцы в 43 году, как сейчас помню — мы им втихаря от родителей таскали хлеб, хоть он был ещё по карточкам. Жалко было! Этих вредителей, немцев. Вот что такое, понимаете? Хотя мы их считали врагами. Но такими они несчастными были, много молодых было ребят. И мы втихаря носили хлеб, хотя самим было «от и до», вы понимаете, какой был год.

— Вы вернулись в ту же квартиру в Москву с мамой, она велела разговаривать на «вы», стала Вас воспитывать?

— Это перед войной. Да, стала меня воспитывать. Но я помню, что она мне никогда не покупала то, что мне хотелось. Например, тогда все девочки ходили в юбках в складку и матросках. Наотрез отказывалась покупать. Потом выяснилось, она мне покупала довольно дорогие вещи и качественные. Потому что я помню платье, которое со мной поехало в интернат, когда война началась. Было новое, купленное, оно лежало в чемодане, я его носила до четвёртого класса, а потом мама мне его перелицевала наизнанку, шерсть была очень хорошая, качественная, я потом его донашивала в виде юбки и жилетки, уже в 5-6 классе. Так что вещи были качественные. Я помню, какой-то беретик — там в интернате во время войны у нас собирали в помощь фронту шерстяные вещи. Ну какие у нас шерстяные вещи? У меня был очень красивый беретик — мягкая шерсть, бежевый с белым рисунком. Совершенно нестандартная вещь. Потом я поняла, что у мамы вообще вещи были такие, каких ни у кого не было. Это уж я не знаю как. Она о себе никогда ничего не рассказывала. Дружбу она водила только с профессурой. Приходили к ней профессор Корнилов (по психологии), профессор Артёмов. . .

— И она продолжала работать?

— И она продолжала работать, да. Причём она была вечно недовольна. . . Она каким-то образом одно время работала в Министерстве просвещения. Даже во время войны: там дежурства назначали ночные, она брала меня с собой, и мы ночью обходили помещение. Правда внизу ещё кто-то стоял у входа. Вот как она так устраивалась — не знаю. Но это престижная, пусть это и грошовая работа, но, собственно, благодаря этому мама потом мне выбрала школу эту 29-ю — фиг бы я в неё попала. Это посложнее было, чем в 57-ю попасть. Я просто этого не ценила ничего. Я ходила в эту 40-ю, которая здесь у нас в переулке. Она называлась тогда 40-й:

обычная школа, мальчики и девочки вместе. А у нас был женский монастырь. . .

— А где она была?

— На Смоленском бульваре. Угол Кропоткинской и Смоленского — один дом был галантерея, а второй — эта школа, 29-я. Вечера нам устраивали — директор посылала секретаря комсомольской организации в какую-нибудь школу мужскую, договаривались, кого приведут, и директор говорила: «Чтобы мне были приличные парни!». Французский язык у нас был и латынь была. Так что я «понюхала» того и другого. Был замечательный учитель географии — это сказалось, наверное. Мы все его любили-обожали. Была очень серьёзная в старших классах учительница математики — Марья Христофоровна. Благодаря тому, что она появилась на нашем горизонте, я страшно испугалась, потому что я понимала, что я ничего не смыслю в математике, и что приходит мой конец. Потому что наша учительница, Нина Васильевна, с 5 по 7 класс она мило улыбалась, идеальным почерком на доске писала всякие задачи, но учить она не умела. Всё было очень мило, при этом она не чувствовала, что ученик знает, не знает. Мы приспособились. Я, например, прекрасно приспособилась: тянула руку, когда решали примеры. Примеры я умела решать. Ни одну задачу, как составляется это уравнение, я просто не понимала связи вообще никакой. И я поняла только одно: у меня была четвёрка, были и пятёрки там отдельные, но я понимала, что я ноль сама по себе. И потом выяснилось, что у нас с восьмого класса (восьмой класс уже считался старшим классом тогда, была десятилетка: восьмой, девятый, десятый — старшие классы) будет вот эта Марья Христофоровна, которая сидела у нас в седьмом классе на экзамене, все боялись. . . Причём наша Нина Васильевна тоже её боялась, но ей как-то удачно удалось заглянуть к нам в класс — все отличницы рыдают, в этот момент Марья Христофоровна вышла, может быть нарочно. . .

— И она подсказала всем?

— Да. Сразу: составить уравнение по условиям задачи. Вот если ты составил, то ты просто решаешь, как пример. Я даже не пыталась, я начала примеры решать (там кроме задач были примеры), потому что я знала, что я ни за что это не сделаю. И только думала: поставят или не поставят тройку, если (я мечтала об этом) правильно решу примеры. Поэтому я очень старалась не ошибиться (ну, какая-нибудь дурацкая ошибка). Отличницы все рыдали уже.

— Это выпускной экзамен или какой?

— Переводной в старшие классы. Семь классов — средняя школа: и вылетаешь. За старшую школу тогда, оказывается, надо было

платить деньги — почему я и оказалась на один год в вечерней школе. Потому что мама сказала: «У нас нет денег». И я пошла искать работу, чтобы заработать деньги. Ну не для этого заработать, а чтобы просто были деньги. Пити-есть надо? А мама временами ложилась в психушку и денег вообще не было. Вот здесь недалеко есть такое заведение и ещё Канатчикова дача. Мне приходилось туда ездить. Я сначала боялась обстановки, а потом привыкла. На Канатчиковой даче уже посещения: тебя провожают, двери на ключ за тобой и так далее. . . А здесь больные были даже все в цивильном. . . Когда выходили из отделения, разрешалась какая-то массовая встреча. Мама всегда хвалилась: здесь такой-то писатель лежит, такой-то. . . Так она оправдывалась, что она среди хорошей компании, что ничего страшного, что она здесь. Наверное, так и было. . . Подлечилась и всё. Просто наступал момент, когда она переставала спать; и я теперь сама за собой слежу, чтобы сон был. Потом она во сне жутко кричала — крик страшный! Соседи (фанерная перегородка, господи) все слышали, а она не могла остановиться. Надрывный крик, в полный голос (это не то что постонала там) — это страшно. Вот такие пироги.

— Потом ей стали опять платить, и вы пошли в школу учиться в старшие классы? Вы просто говорите, что только один год ходили в вечернюю школу, а потом вернулись. . . Или как?

— Сначала она, видимо, платила деньги — восьмой, девятый, десятый. . . В восьмом я не знала ещё про деньги ничего, и в девятом. А в десятом, в последний год, я узнала, что за школу надо платить.

— Вы в последний класс шли, в десятый?

— Да, в последний класс. И я пошла в вечернюю школу. Меня сначала в неё не взяли.

— Почему?

— Потому что надо работать. Был уже сентябрь, а я всё ещё бежала — искала работу, и с опозданием на месяц я попала в школу. Так вот, завод Яблочкова, в котором я в библиотеке работала, электроламповый. Там чего только не делают: кучу всего, прожектора. . . Моя обязанность была — бегать по цехам и призывать рабочих вместо обеда, на обеденный перерыв, идти слушать очередную лекцию. Причём какая тема — неизвестно. Приходят — вообще сказать ничего не могут, но это была обязателька, а я должна уговаривать.

— Вместо обеда. . .

— Я как бы говорила: «ребят, разделитесь на тех, кто сегодня и тех, кто в следующий раз». В общем, я процессом управляла, чтоб видимость была, чтобы кто-нибудь приходил точно. Никто не хотел приходить, а это была обязателька и для всех работников

вузов, которые могли хоть что-то сказать. Яну доставалось по этой части. И, короче говоря, первый мой опыт в вечерней школе, в смысле учёбы, начался для меня печально, потому что я по истории получила «два».

— Почему?

— Я не поняла, почему и как это произошло. Потому что у меня в этой престижной 29-ой всегда «пять» было! По литературе я получаю тоже «двойку», и тоже не понимаю! И я вообще почувствовала, что меня как бы преследуют. Я стала думать: «Почему? Что не так?». Потому что я там отвечала на уроке так, как я привыкла в детской школе. «Ты-ты-тыт» — отбарабанила, пошла, села. Я стала слушать, как отвечают другие — хотьхватило ума посмотреть, а не просто обижаться. Я, так сказать, помыслила — «ненавидеть, преследовать меня здесь не должны». Ну нет причины, повода! Если б я там выпендрёжная какая была, понимаете? Есть такая у женщины черта: «А дайте я им насолю!», выпендривается. А тут вроде бы всё нормально... Причём в приемной, когда я подавала документы, там очень вежливо разговаривали со мной, только не хватало вот этих бумажек, что я работаю. Всё вроде нормально...

В общем, я стала соображать, как у нас вела в 29-ой знаменитой школе литературу вот такая, оплывшая со всех сторон, дама, которая помнила — был поэт Белый, вы, наверное, знаете — она хвалилась, что она с ним знакома. И ещё с кем-то (много имен называла, я не знаю). У неё были желтые конспекты, она нам читала. Неприятно было то, что она требовала задалбливать: «У Печорина были темные усы и волосы на голове» — как она говорила, так и надо было повторять, как мантра какая-то. И это её устраивало. Я так выучить, как она говорила, была не в состоянии, не умела вызубрить что-то, но мне почему-то прощалось. Поэтому я имела четвёрку по литературе, а по истории даже разговора не было: стерва у нас была порядочная учительница в 29-ой школе... Сначала я ею восхищалась, до этого учителя истории неудачные были.

Сперва одна была такая (как её в 29-ю взяли?) плохо одетая, несчастная женщина. Видно, что она несчастная. И мы просто её жалели и не трогали. Потом была молодая учительница такая, которая знала всё как надо, а мы «не такие» — её плохо встретили, хотя она старалась. Она такая вот комсомолка вся из себя и так далее. И вреда от неё не было, и пользы никакой. Не было ощущения, что это наш учитель. И наконец пришла учительница правильная, советская, которая всё нам умела доказывать. И всё было хорошо, справедливо. Но однажды она прокололась. В соседнем классе, в параллельном с нами, была девочка, кучерявенькая еврейка. И у

неё умерла бабушка. И мы все сочувствовали. Факт-то известный, нас круг небольшой. И вдруг эта учительница наша (мы как бы с ней поделились, поговорили на тему), она сказала: «Ну и хорошо, что бабушка умерла. Она была верующей. А раз она была верующей, она плохо могла влиять на Лизу!»

Я тогда поняла (с детства была далека от веры, не было вокруг меня тех, кто бы молился, даже моя бабушка не молилась, иконы не висели в доме), что если человек верит, то он верит, и ничего плохого в этом нет. Во всяком случае у меня почему-то было такое понимание. Видимо, всё-таки где-то и в школе что-то такое говорилось про свободу вероисповедания. Нет, такой фразы явно не могло быть, но чувство было. Почему внучка не должна любить бабушку за то, что та верит богу? Я не верила богу с детства, ну не было у меня ничего такого, что бы этому способствовало. Но я всегда, особенно в советские годы, когда писали в газетах про верующих плохие вещи, я всегда была на их стороне. Правда, сейчас часто бывает наоборот, потому что уже всех заставляют быть верующими. И я уже сама себя изгоем чувствую, потому что признаваться в этом неприлично даже — все верующие. Кому легче от веры — пусть будут верующие, я так считаю. Кому легче с небесной сферой общаться — пусть будут неверующие. «Кто доказал: есть бог или нет?» — вот я так ставлю вопрос. Это ж надо как-то доказать... Хотя я могу выругаться, сказать «бога на вас нет!». И слово «бог» у меня в ходу, потому что мы выросли в этой культуре — и всё. Но как-то преследовать за то, что человек верующий или неверующий, тем более говоря о пожилом человеке, который умер, это вообще кощунство!

— А вы с ней спорили? Чем это кончилось-то с историчкой?

— С историчкой ничем не кончилось, потому что я как раз на этом уровне ушла в вечернюю школу. Она нас правильно учила, эта историчка. Как надо — так она нас учила. И мы считали, что так и надо. Все события, всё — и так далее... Что по-другому бывает — мы просто не знали и не догадывались. Нас учат — и мы повторяем, как говорят. Это было, в общем, нетрудно. Поэтому по истории у меня была «пятёрка».

А в вечерней школе Лунц Михаил Яковлевич был у нас... Толковый вообще-то мужик. У нас прекрасные там были учителя. Как потом оказалось, когда я стала чего-то понимать. Но им бы в жизни не удалось так работать, будь они в детской школе. Потому что вечерняя-то школа — да кому она нафиг нужна! Кто её будет проверять! С неё ничего и не поймешь! И поэтому люди, которые

не могли прижиться в детской школе, в обычной, где надо подчиняться любому дураку, уходили в вечернюю. И ещё, извините, бабу. Это ж тоже удел школы советской. Когда женщины резко преобладают, и там уже непонятно кто из-за чего на кого кидается или шпильки вставляет. Так что школа — это не простое заведение.

— А за что вам Лунц ставил двойки?

— Лунц? Я думаю, проверял на вшивость. Думал, что я там выступать буду. А я как раз к его двойкам была равнодушна. . . Посмотрела, как он даёт материал — нормально, в моём тогдашнем понимании. Никакой заумности нет. Вопросы по ходу дела можно задавать — вот это тоже очень важный момент. Поэтому всё это достаточно быстро наладилось, и потом, я же была на работе какой? В парткабинете! Бегать по этим цехам — раз, но я ж не целыми днями бегала по цехам. У меня было время. Книг — полно. Литература-то в парткабинете всякая. Поэтому я могла спокойно позаниматься. У меня хорошая работа была. Копейки платили — но платили! Я очень быстро приспособилась. Одно дело — стоит человек у станка и потом идёт учиться. Тут фабрика Тельмана текстильная, здесь «Красная роза» была, красильный цех — не дай бог, гардинно-тюлевая фабрика там в переулках. Что-то одна девочка (когда я уже работала в вечерней школе) пропускает занятия. Я решила проверить. То ли это в моём классе было, где я классной работала, не помню. . . В общем, я туда попёрлась — почему её нет? Загулять могут, надо где-то обругать, где-то поддержать — всё бывает. Вот это гардинно-тюлевая фабрика, делают этот тюль советский. «Такая есть?». «Есть. Да, вон там в цеху». Я говорю: «Можно к ней подойти?». «Она», говорит, «у станка работает». Говорю: «А подойти, пару слов сказать можно?». «Да вон, идите!» Открывает дверь и смеётся он, главное, начальник цеха, мужик: «Да вот, идите, пожалуйста!».

Я сейчас плохо вижу. Но вижу контуры лица: у Вас даже зубы сверкают, руки большие, волосы темные. . . Но черт лица, конечно, не вижу. Вижу, что оно удлинённое. У Вас как-то более плавный овал. И этот мужик: «Да идите! Вон там её станок». Я открываю дверь — мама моя! У Вас чёрный свитер? У Вас тоже тёмный, да? Вот там вот такая чернота сплошная!

— Почему?

— А потому. . . Я шарахаюсь, он говорит: «Да вот она! Видите, вон, белый платочек сверкает?». Я говорю: «А как идти-то?». «Ну ладно, я вас провожу! До станка». Берёт меня за руку, ведёт. Это пыль взвешенная! Чёрного цвета! Не пыль вот серенькая, а чёрная.

Причём она такая сплошная, что сквозь неё ничего не видно. Я вот не зря Вашу рубашку назвала, или вот моя кофта. И так работают.

— И никаких у них респираторов, ничего? Дышат прямо так?

— Да, да. И она пропускала уроки, так я подумала: «Господи, да от такой работы вообще... Какие уроки? Бежать надо, и оттуда, и оттуда!» Кстати, это меня толкнуло⁷ на идею заасфальтировать наш двор в той, старой вечерней школе.

— Там пыль тоже была?

— Там грязь была. А некоторые наши старые учительницы любили делать замечания девочкам фабричным, которые приходили все напозаженные. Из деревни в Москву приехали — ну надо же! И накрашаться, и намазаться, и прифарфориться. Так вот они, бедные, действительно стараются прифарфориться, но они в таких условиях живут! «Красная роза», красильный цех — лучше не заходить! Это меня предупредили, я набралась опыта, что не надо везде нос совать. Эти текстильные цеха... Всё чёрное, там что-то мокнет, потом это вывешивается, выстирывается — и получают беленькие шикарные занавесочки кружевные. Такое производство! После этого, я не ругаюсь, я не умею ругаться, но хочется выругаться по-русски. Мальчики, это же убийство было! Поработать год-два — и ещё что-то с неё спрашивать на уроке? Понимаете, мы тоже относились так, чтоб заставить. Если не заставляешь — всё! Школа распадётся, никто ничего делать не будет. Главное — силком не заставишь.

Моя компания, с которой я общалась (потому что были учителя, которые начинали читать мораль: «О, накрашенная пришла!»), с Ниной Евгеньевной мы как-то подружились... Мы думали, что надо понимать этих людей. Не освободить их от учёбы, нет! Но как-то приспособить. Они остались без родителей: родители в деревне... Вы понимаете, это ж какие люди-то! И они приходили учиться в эту школу! Плевать ей, наверно, на эту учёбу! Она думала, что на своей текстильной фабрике она мужика себе не найдёт, да? А здесь в школе — глядишь, кто-нибудь. Да ещё — при галстукке (у нас и такие бывали!) или военные у нас были, учились в вечерней школе. Всякие попадались мужики. А некоторые даже из высшей сферы недоучки (которые бросили в своё время из-за упрямства школу, а потом надо получить хоть какой-то диплом) у нас ошивались и делали вид, что учатся. Они и могли учиться, в принципе, им никто не мешал. Даже такие попадались, которые по райкомам там всяким сидели. И, кстати, иногда можно было обратиться, что-нибудь

⁷1961 год.

для школы сделать. Помогали. Ну, вот это вот про вечернюю школу.

— А после десятого класса вы прямо пошли в пединститут?

— Да.

— И вы уже знали, что хотите быть учителем географии?

— Нет, не знала. . . Там наобум лазаря почти. . . Ну, несколько книжек мне попало таких, географических. Многие дети моего примерно возраста, не знаю, бредили Севером. Когда мой, ставший любовником, а потом мужем, Яник, объявил, что он работал на Севере — боже мой, это уже повод, чтоб в него влюбиться!

— А он преподавал в пединституте?

— Да, он преподавал картографию. Пришёл, такой заносчивый. Первый раз он меня не пустил на лекцию к себе. . .

— Почему?

— Потому что опоздала! А я ему говорю: «А меня задержали в деканате» (что было правдой). Дескать, я могу доказать. А он говорит: «Плевал я на ваш деканат», громко и вслух. Он только появился в институте, ещё непонятно, как что будет. Но хамства у него выше крыши было, заявить о себе. Но зато он был на Севере. И мы все: «Ах!». И вы думаете, я одна? Все! Я просто дурочкой была, попала на удочку, так сказать: «На Севере Яников!»

Мне подруга говорит, близкая подруга — мы вместе с ней в Ленинград ездили — «Лен! Вот я кончу институт, я поеду к Яникову на Север!». И всё прочее говорит. А я: «Слушай, а я уже!». Мы когда с ним договаривались, он сказал, чтоб я не болтала. Я в общем-то и не болтала, но когда мы с ближайшей подругой ночуем на одной кровати в Питере, и она мне мечтания свои высказывает, я что, буду врать?

Я сказала ему: «Я проговорила». «Ну ничего» - говорит, - «обойдётся». Шифровался, короче говоря. А кончилось вот, видите как. . . Через 15 лет расписались. Даже, наверное, позже. Через 15 лет дочка родилась. Это как бы я хотела, годы-то идут, надо считать. Мне было, когда все начиналось, двадцать, а ему — сорок два. Сейчас и не такие бывают вещи, о которых во всеуслышание говорят и обсуждают, поэтому я спокойно и говорю. Я ему очень благодарна. Он очень умный человек, очень многому меня научил в смысле специальности. Так жизнь сложилась. Кончилось, всё равно, видите, как. Жалко только, что заболел. У меня муж умер в 1987 году — я считаю убили, но не важно. В смысле, есть одна больница, в которую не надо попадать никогда! На Басманной, я забыла номер. . . Это страшное место. Врачи в этой больнице —

не врачи, а бог знает что за безобразие там было. Исправить уже ничего нельзя. У меня не хватило сил добиваться чего-то.

— А зашифровались вы, потому что вас бы выгнали?

— Если бы узнали о связи? И его бы выгнали! Всех выгнали бы, конечно. А меня бы опозорили и исключили бы из комсомола, обязательно. Всё это существовало, и связи, и прочее, но закрыто. И не дай бог! Жена у него умная была, тоже не лезла на рожон. Хотя понимала, догадывалась. Он хороший, нормальный человек. Ну, вот так вот получилось. И в той семье он был должен, обязан, потому что у него была очень больная мать, на голову. И за ней ухаживала его жена. И когда я говорила: «Ну ладно, давай я», он мне говорил: «Ты не справишься». И когда потом у меня был разговор с его женой, да и вообще я кое-что со стороны узнала. . . Я бы не справилась, точно. Он говорил — я бы такое не вынесла. Старая большевичка, которая материлась. Я от Яникова, которого все считали грубияном и так далее, что он где-то там матерится, за всю жизнь не слышала матерного слова. Ну представьте, больше двадцати лет мы вместе прожили — ни разу. И ссоры какие-то были — ни разу ни одного матерного слова не слышала, представляете, ни разу!

[Телефонный звонок] А Марину Георгиевну знаете? Вот она!

— А мы как раз неделю назад вместе с Мариной Георгиевной были у Нины Евгеньевны тоже, разговаривали. А у Георгия Владимировича отца тоже арестовали?

— Вы знаете, это была странная история. Уже началось больше свободы. . . Началась реабилитация. У меня отца реабилитировали.

— А это как, по вашему запросу его реабилитировали?

— Нет, автоматом. Я никакого запроса не писала и, между прочим, это очень правильно. Потому что некоторые боялись писать — «как бы чего не вышло».

— А что может выйти? Самих уволят?

— Ну, прижмут. Прижать по-разному можно. Ну не посадят, ГУЛАГа не сделают, но сволочей-то навалом. Причём это не от того, что политика такая, а от того, что сволочей много. Есть люди, которым просто не везёт делать пакость другим. Ведь много таких! Как ни странно, вот я всегда удивляюсь: ну чего, ну сиди, работай, не хочешь — сиди отдыхай там. . . Столько можно всем заняться. . . Нет, будут! Это как по наследству передаётся, наверное.

Так вот, получаем кучу газет. Открываю газету (днём это было), разворот — мама мия! Портрет Яникова — одно лицо! А он мне тоже туман-то наводил насчёт своего прошлого всякого. Я ещё

удивлялась, почему он беспартийный. . . Все кругом были партийные. Тем более, всё-таки в вузе работает. Как бы, положено. . . И он как раз приходит, а я с этой газетой. . . Я обалдела! И ещё он появился, я снова смотрю! А он смеётся. Подписано «Енукидзе». Читаю про Енукидзе.

— Авель Енукидзе?

— Авель. Если б я чего-то знала. . . Ну, фамилию слышала. Он был репрессированный, и это была волна такая реабилитаций, о которых писали в газетах: его историю, как он попал — чего попал. . . Но у меня всё из головы вон — я вижу лицо Яникова. И я ему это сую — а он смеётся! И вроде, получается, это его отец. Так. Хотя он мне много насчёт своего родства морочил голову — какой он, откуда он. Там кого только не было! А потом они с дочерью, с Ирккой моей, какие-то составляли родословные — там и цари были, и черт-те что, меня это никак не интересовало. Я есть, я знаю, что у меня отец был такой-то, оттуда-то — больше ничего не знаю ни про отца, ни про кого. Так что я без рода и без племени. Нет традиций семейных, ничего нету. А тот — и вот вдруг появился Енукидзе. Более подробно я разговаривала на эту тему со старшей дочерью Яникова. У него было два брака: первая дочь у него (два сына погибли), и второй брак, который при мне был, там тоже дочь была. Так вот старшая дочь от первого его брака. . . Как-то мы разговаривали, и она с такой уверенностью (причём она как раз на Яникова очень похожа, в отличие от моей Ирины) говорит, и он где-то упоминал, про старых большевиков, ну, черт-те чего. . . Я в этом понять не могла, где врёт, где шифруется. . . Такое ощущение, что я получаю правду, но не всю. Препарированную, и какой-то за этим туман есть. Вроде хочется кому-то чего-то рассказать, а нельзя — вот такое у меня было ощущение. Он как бы не болтал со мной, потому что вдруг я проболтаюсь.

Ну, похоже на правду, что я могла проболтаться. Мне ж интересно, любопытно. А они, вот это старшее поколение. . . Почему мама молчала? Да потому что тоже боялась. Оно научено, это старшее поколение, молчать. Иначе вдруг что выйдет, вдруг кто чего донесёт. . . У них все по-другому было. Уже я к этому поколению не отношусь. Потому что я воспитывалась в интернате два года, нас спасали. Вот это, мальчики, очень интересная история. Готовы слушать?

— А это в эвакуации было?

— Да, в эвакуации.

— А где это было?

— Первое: Рязанская область. Я не знала, я думала — это очередной детский сад. У меня была пара опытов: меня мама отправляла летом в детский сад. И я знаю, что там почему-то ехали на лошади — и так далее. Никто не говорил, что это спасение, но появилось слово «интернат». Деревня «Побединка» — говорящее название. Школьное здание. Знаете, такие в сёлах? Я поняла, видела такие в нескольких местах, так что думаю, что это распространенное явление. Типа барака такое длинное: здесь идёт коридор сквозной и упирается (здесь обычно туалет, а здесь вход). А вот здесь, вот так нарезаны классы, комнаты. И вот мы в этих комнатах, а рядом во дворе канава вырытая, куда бежать надо было (при бомбёжке)... Это не блиндаж, это именно канава, без крыши. Ко мне была прикреплена старшая девочка-пятиклассница, которая должна была меня, когда тревога, будить, одевать и волочить за собой. Пару раз нас таскали, но ничего не было, никакой бомбёжки. Это был конец лета, начался учебный год. У меня неприятные воспоминания, страдальческие — у всех есть портфели, у меня нет. Потом приехала мама, привезла мне портфель, я успокоилась.

— То есть мама как раз никуда не уезжала, она оставалась в Москве?

— Да, в Москве оставалась. Но сначала, а потом уезжала.

[Перерыв в записи]

Это уже совершенно другое поколение, другое. Оно ни плохое, ни хорошее, сказать вообще трудно. Но Ваня⁸ даже слышать не хочет, понимаете? Даже случайно. Я просто это чувствую: он ничего не говорит, воспитанный мальчик и так далее. И не только он один. Уже большинство ребят его возраста... Ну у него возраст уже, слава тебе господи, у нашего Вани... Он 78 года. Разговариваю с ребятами, у него же тоже друзья, приходят к нам. Вот тут маленькая комната, она эксплуатируется на сто процентов, если не больше. Часто ночуют всякие друзья, знакомые, проездом — экономия получается. Они со мной охотно разговаривают. Но я тоже понимаю, что совершенно другой мир. Понимаете? Ничего не сделаешь.

Надо, конечно, чтобы знали. Надо бы было, если хотим сохранить народ, преемственность, ту же историю давать по-человечески. Может быть, из таких рассказов — как это было. Потому что запомнить все эти самые даты и так далее, события, съезды — это же не умещается в голове, потому что головы учеников перенасыщены, одна математика чего стоит. Разумный учитель, наверно,

⁸внук Елены Степановны; они сейчас вдвоём живут в квартире.

включает такие элементы и плюёт на всякие там требования, но это всегда с риском для собственной жизни, карьеры и всего прочего. Для учителя — это всегда риск. Потому что ещё обязательно найдётся какая-нибудь сволочь, что в таких коллективах, как учительский, обязательно присутствует. . .

— Донесут в смысле?

— Донесут, из зависти — элементарная зависть: вот почему у него так, а у неё так, а я же не хуже — мысленно прорабатывается, а потом выливается в мелкие такие действия. . . Даже говорить о них не хочется. Какие-то уколы. Но это присутствует почти всегда. Тем более, когда женский коллектив, это усиливается. Мужики поругаются, потом выпьют — и всё прошло.

— Вы, когда пришли в 57-ю школу, Вы были с Ниной Евгеньевной до этого знакомы?

— Да, конечно. Она была директором вечерней школы.

— А какая у вас была первая встреча, вот как вы познакомились? Вы сразу были на одной волне?

— С Ниной Евгеньевной? Нет, она для меня была образец. Она всегда, как мне казалось, одета была очень хорошо. Я же нищая была совершенно, так вот. И вот с Ниной Евгеньевной разговаривали, вспоминали недавно, она удивилась, как я отказалась от какой-то работы. Одна знакомая Яна пристроила меня в Министерство сельского хозяйства, в художественную редакцию. Там же выпускают журналы в большом количестве: «Охота», «Звероводство», «Полеводство» и так далее. Этих журналов, я думаю, штук сорок — не меньше.

— Это после пединститута, перед школой рабочей молодежи?

— Да. Когда я уже готова была работать в школе рабочей, а меня не взяли. Потому что там уже был учитель географии. . .

— А разве тогда не было распределения?

— У нашего курса не было.

— Почему?

— Вообще было. Потому что в провинции, куда нас посылали — нас там не ждали и выпроваживали. Потому что, если приезжает в деревню учитель географии какой-то там. . . Ну добро бы математики. . . Географию любой колхозник может преподавать. Он место отбивает, зарплату отбивает и наберёт себе часы и по географии, и по анатомии, и ещё по чему-нибудь. Всё-таки какая-никакая зарплата получится. А так же жить не на что в деревне-то учителю. Их поэтому встречали так всегда в деревне, которых присылали по направлению: «Что вы сюда едете?». А мы ещё, эти учителя, должны отчитаться, что приехали, нас приняли. Понимаете, маразм был

полный. Мы не хотели, предположим, ехать — нас заставляют. А там нас не хотят принимать.

И нам, в конце как раз последнего курса (четыре курса было всего) объявили: «Девочки, готовьтесь, распределения не будет». Так сказали, причём серьезные люди сказали, секретарь парторганизации. Ну и на всякий случай готовились. Но некоторым позарез работа была нужна, причём в любом месте. У меня была подружка, где-то она в Реутове жила. Дома — житья нет. Драки, вот такая среда. Уехала бы на край света, куда угодно, только не здесь. Были случаи, кому вот так надо было. Мне не надо было уезжать. Но мне Яников прожужжал уши — «бери справку». Я говорю: «Зачем?»

— О чем справка?

— Что мама больна.

— А зачем?

— Чтобы не услали куда-нибудь. Я ему говорю: «Ну нам же сказали, не будет распределения!» — «Возьми справку, вот я тебе говорю!» Короче говоря, началось это распределение. Я пришла не с самого утра, немножко позже. Сначала идут слёзы: люди просят работу какую-нибудь, вроде моей Нади, которой подойдёт любое место, или Притулы, которая до сих пор в пединституте сидит. Девочка больная-больная была, ей то делать нельзя, другое нельзя делать, а её посылают в Казахстан. Она говорит: «Я поеду, пожалуйста, в Новгородскую область, куда угодно, в среднюю полосу». Причём не лодыри, а их обзывают какими-то погаными словами — девчонок, которые пришли, зная, что их не будут распределять. Не распределяли и не давали работу. А потом вдруг стали заставлять. Причём в какие-то такие дурацкие места совершенно. До этого несколько человек просили Аксакалову, она работала деканом в заочном пединституте. «Согласна на любую работу, в любое место» — и не дали. Часть девчонок стояли рыдали, что им не дали работу, а потом выходила другая часть и рыдала из-за того, что их заставляют ехать чёрт-те куда, совершенно неожиданно. И я в это дело попала.

— В какую часть? Справка-то была, я так понимаю?

— Я попала посередине. Мне не надо было ни то, ни другое: мне не нужна их работа, куда они посылают, и я как бы ничего от них не жду. Дошла до меня очередь. Так сидят: раз-два-три-четыре наши, с геофака. То ли секретарши, то ли кто, а в середине — директор. Я прохожу, показываю документы, какие у меня есть на руках. Как бы я никуда не рвусь. И всё. Я думаю: «Сейчас встану и пойду». И вдруг директор, глядя на меня, начинает на меня орать. Не говорить, а орать! «Все такие приехали, хотят ничего не

делать, сели на шею государству!» — всякую ахинею такую. Что чуть ли мы не предатели Родины. Я ничего не могу понять. Всех отпускали с такими бумагами. А тут вроде я обманываю государство, уже чёрт-те что: я сказала, больная мама. Хорошо, Яников заставил меня взять эту справку, опытный — ругался, заставил. Мне бы в голову не пришло. Нам же говорили, что ничего не надо, правильно? Раз сказали «не надо», что я, дура — ходить брать эту справку?

Что-то я сказала нехорошее директору. Когда он стал орать на меня, я ему на это сказала, что нехорошо орать на людей, а можно разговаривать. Там все аж: «Ах! Как она смеет!» Вот эта вся плеяда сидит: «Как она смеет!» Я говорю: «Я, когда вошла, с вами поздоровалась — мне никто не ответил. Сейчас я вам говорю «до свиданья!»». Они все онемели от удивления.

А что получилось? Там всех разогнали. . . Я подбиваю, узнаю, собираю информацию про то, в каких словах выражался директор, потому что какими-то плохими словами он выражался по поводу тех, кто по его распоряжению не хотел ехать в Казахстан или куда ещё. Все повторяли, я говорю: «Давайте собирать материал, напишем, как с нами обошлись, просто сам факт». Ничего лишнего. Что нам обещали, о чём нас предупреждали, и что в итоге получилось. Чтобы хотя бы перенесли распределение! Чтобы люди могли подготовиться. Действительно, многие студенты никакие бумаги не собирали, а могли бы собрать. Я уже предлагала: «Давайте писать в Комсомольскую Правду!». У меня такая мощная защита в лице Яникова, который напишет куда угодно и ещё своими словами.

Проходит дня два-три, меня вызывают (вот делать людям нечего!) в партбюро факультета. А я, конечно, комсомолка. И начинают меня чехвостить. Как я смела, и так далее. . . Я говорю: «Ну давайте по полочкам раскладывать. . . ». «У меня была справка? Всё! Это законное основание?» Вот «вы не таким тоном говорили». А каким тоном я должна говорить? Я что, ругалась, говорила неприличные слова? Что я говорила? При чём тут мой тон? Аспирантка молодая, из таких, которые лезут вперёд по жизни, начала меня учить: «Надо быть вежливее, знаете. . . ». Я говорю: «А если взрослые врут, просто откровенно врут — тоже надо быть вежливой?». В общем, я такая комсомолка, знаешь — всю правду я вам скажу.

— Так, а в результате Вас куда-то послали? Чем это кончилось-то? На работу. Или никуда не послали?

— Нет, конечно! А меня и не собирались послать — не имели права! Хотели, очень хотели. . .

— Просто наорали и всё?

— Да. Потому что формально справка есть, и поэтому куда меня пошлѐшь? Это совершенно законное основание.

— Ну могли бы в Москву куда-нибудь послать?

— Нет, Москва есть Москва. . . В Москве каждый рад получить хоть какую-то работу. Я бы была счастлива, если бы в Москве мне определили какую-то работу. Работу по географии, предположим. Так что вот так вот.

— А как же вы тогда пошли в вечернюю школу, например? Или вот издательство?

— Искала, искала. . . Я в эту школу хотела, я сама один год в ней училась.

— Это та самая 91-я школа?

— Та самая! Вот здесь, в этом переулке. У меня всё в этих местах. Я год в ней училась, потом четыре года отучилась на факультете и хотела вернуться в эту же школу.

— И там были все те же учителя? Тот же Лунц ещё остался?

— Да, да. Даже те учителя, у которых я училась. А что, четыре года прошло. Но не получилось, потому что место было занято. Не выгонять же учителя, понимаете? Там часов по географии: раз-два и обчѐлся. Там нельзя было иметь двух преподавателей. Если меня возьмут, то он останется без работы.

— А потом он через год ушѐл-таки?

— Он заболел и умер. Он старый был. Мне позвонили тогда, сообщили. А до этого я в издательстве работала. . . Мама моя! Художественная редакция. Комната немножко больше этой, вот так столы. Человек 6-7 — редакторы художественные, вот тут рядом, а я почему-то оказалась здесь, заведующей этой редакцией. Гвалт. . . Все друг с другом разговаривают, орут! Я неделю так просидела, голова распухая. . . К ним ещё кто-то приходит и тоже орут. И какие-то бумаги на стол кидают. Наконец, я поняла. Я немножко знала об этом, потому что у мамы попадалась такая работа временами, так что я знала гранки, разные этапы создания книги, первый экземпляр и так далее, несколько стадий. Есть редактор просто, а есть художественный редактор. Причѐм художественный редактор двойкого типа. Есть художественный редактор — «вы неправильно, некрасиво сделали перенос заглавия», «вы шрифт не такой выбрали, надо другой шрифт». Есть очень много тонкостей: например, ширина полей. . . А ещё когда книга иллюстрирована. . . Тут уже нужен художественный редактор, но с художественным образованием. Здесь уже нужны оттенки, цвет, сочетания-несочетания. . . Есть рисунки, которые можно делать одним цветом и тушью, а есть цветные — акварель там идѐт, гуашь. . .

Каждый номер журнала (а ежемесячные журналы) находится на своём этапе: на стадии гранки, вёрстки — несколько стадий журнал проходит через руки одного ответственного, потом другого редактора, который за рисунки там отвечает — и так далее. Это всё вместе художественная редакция. И вот они орут друг на друга. «У кого такой номер, у кого такой номер...» и так далее... Я неделю посидела, думала — я с ума сойду. Что сделала — выписала все журналы, по номерам, какие там есть. Взяла такой лист миллиметровки. Составила этот список. Дальше — этапы, стадии, они же все проходят: вёрстка, гранки и так далее. Поставила даты, всё расписала, повесила...

— Вы сделали рационализацию?

— Ну я же не могу сидеть в этом гаме! Подходят к этому списку, молча смотрят: «Ой, это у меня тогда-то? А это тогда-то! Это у того-то!» Вот ему надо было у кого-то получить журнал на определённой стадии, он не знал, у кого, и орал. А теперь орать не надо, тут всё написано, у кого что, какой номер.

— Так вам дали премию за это?

— Премию мне не дали, но меня заужавали! А платили там, по тем временам, 70 рублей — это очень много! Технический работник я. А кроме того, я там стала получать заказы сразу: «Лен, ты можешь сделать обтяжку?». Даётся рисунок бледный на фотографии, она такая матовая, и по этой фотографии я цветочек, предположим, обвожу. Могу добавить что-то своё, если мне хочется. В том же стиле. Потом (это уже меня Яников научил), есть такая штука, называется «красная кровяная соль». Растворяешь, всё исчезает, остаётся только тушь твоя. А все лишнее — исчезает. Вот! За это платят отдельно. Безо всяких, «из рук в руки».

Потом проходит какое-то время, меня спрашивают: «Лен, ты можешь сделать, просит директор карту, ты вроде бы из географии...» «Какую карту?» «Ну вот что-то про Украину надо... Про сельское хозяйство...». Министерство сельского хозяйства. Я говорю: «Так, мне нужен материал, статистика». Эта статистика вся закрытая к чёрту. «Статистика будет». Я говорю: «Карта у меня есть». Случайно, большая. Контурные карты такого размера уже в то время не продавались. Но у Яна в загашнике было. Карта стенная. Столбики разного размера, разного цвета — где там рожь, где там свинина... Неважно что. Важно, что я сделала. (шёпотом) Мне за это заплатили... двести рублей! Большие деньги! Вызывает директор, благодарит. Через некоторое время мне звонят, просят: «А

вы не можете нам сделать такую карту?». Из Тимирязевской академии. Я говорю: «Могу». «А сколько это стоит?» Я называю столько, сколько мне здесь заплатили, потому что я не знаю, сколько это стоит, понятия не имею. Так что в первый же месяц я обогатилась. Причём над второй картой мне думать не надо. Это над первой надо было думать: размер, цвет, чтобы одно на другое не налезало. . . Так что вот так вот. Я ушла с этой работы. Даже Нина Евгеньевна удивлялась: «Ты что?». Это она недавно узнала, что у меня был такой вариант. А что? Я хотела работать учителем географии! Вот не идиотка, а?

— Скажите, а Нина Евгеньевна работала в вечерней школе?

— Да, она преподавала черчение.

— Ещё когда Вы учились?

— Нет, тогда я её не помню, когда я училась. Она, наверное, пришла за год до меня. Меня что поразило сразу. . . В коридоре не протолкнуться, все курят (я тогда ещё не курила, естественно), и висит маленький стенд, и на нём чертежи. Как-то отмечено, показаны хорошие работы с отметками «пять» и все прочее. И я подумала: «Надо же, вечерняя школа, и сразу показаны хорошие работы, как здорово!» Я сразу взяла на заметку, что это надо показывать.

А она вот такая, как Ян про неё говорил, «шило в зад». Это точно! Она не может просто сидеть, а ей надо что-то делать. До сих пор. Она сейчас читает, изучает стихи, например. И ещё меня поругивает. Ну я соглашаюсь. . .

— Скажите, а когда вы учились в «пед», там, может быть, учились Коваль или Ким?

— Визбор учился. Вы не представляете, как там устроено в пединституте?

— Нет, к сожалению, я никогда не был внутри.

— Значит, громадный зал. По краям дырки — это аудитории. Посередине тут бюст Ленина. Дверь — вход в большую, так называемую, аудиторию, которая наверх идёт. А поверху балкончик. И один балкончик немножко с выступом. Это был наш. . . «Парнас», кажется это называлось. И там были курсы рисования. Там был замечательный учитель Михаил Максимович Кокунов. Он умер некоторое время назад. Год-два. . . И там собирался весь бомонд. Кто рисовал, и кто не рисовал. Вся эта элитная публика; те кто пели. . . «У вас на Парнасе» — так говорили. Собиралась такая публика, которая всё между собой обсуждала. Михаил Максимович всегда молчал, он всех нас выслушивал. Внимательно слушает вот так, наклонится. . . А сам он как бы и не выступал вроде. Но если он

скажет, то все прислушивались: «А что он сказал?». Я была одной из любимых учениц.

— По рисованию? Или по чему?

— По рисованию.

— А Яқушева там могла быть?

— Наташа Мандельштам там была. Но она как студентка, по моему, не выделялась. Там был у нас случай. Как раз в годы моего учения. Какая-то девушка прекрасно пела, но она покончила с собой и как-то демонстративно очень. Чуть ли не с этих вот балконов. Такой случай, просто потрясающий. Очень успешная, но, видимо, что-то на личном фронте. . .

— А вы, значит, рисовали?

— Да. Так у меня рисунки мои все в школе. И даже вот этого учителя там был портрет маслом, я делала. Хорошо оценивались. В смысле не оценивались в деньгах, естественно. Но народ приходил, считали, что хорошие работы. И потом этот навык, конечно. . . Одно дело ты пишешь маслом, другое дело карандашный рисунок, понимаете? Третье у тебя мел. . . Это всё требует колоссального труда, чтобы доводить до ума.

Ваня занимается рисунком, посмотрите, у него какие-то квадратики, полоски. . . Он набивает руку. Потому что мы этого и не знали, у нас не было такой методики. Сейчас у них есть. Потому что провести линию прямо от руки — это большое качество, зачем им? Получится на компьютере всё. Ваня ушёл в это дело, и ни о чём, по моему, не думает. У него нету желания добиться какого-то успеха, так мне кажется. Тогда не надо было бы рисованием заниматься, тогда надо было бы покупать картины и продавать. Ну, чтобы что-то было. А от рисования ничего же нету, только расходы. Но это его право. Жизнь заставит, если надо будет, кушать нечего будет. Если надо будет, то пойдёт и на рынке торговать. Поэтому я в это дело не вмешиваюсь. Хотя, конечно, жалко. Уж Яндекс такое место, куда люди рвутся. . .

— А, он оттуда ушёл?

— Ушел.

— Он совсем под боком, да? На соседней улице?

— Ну вот, через двор. Я говорю: «Вань, второго такого места для работы не найдёшь». Ходил, там прощали ему, что он мог прийти после обеда, причём два раза в неделю. . . В общем, льгот там очень много было таких. Я даже пыталась интересоваться, может его выгнали. Говорит: «Нет». Кто его знает — может и выгнали. . . Неважно. Он не переживает по этому поводу. Но он туда ходит и сейчас. Уже на вот эти курсы рисования, там свои есть. Он туда

начал ходить, когда он там работал, и он продолжает постоянно ходить, ему доставляет удовольствие, видимо. Вот видите, какие-то птички тут наставлены в коридоре? Это он заказывал, где-то из Иркутска. Вот такие здоровые эти птицы! Это всё для украшения в Яндексе, какой-то вечер устраивали на свои деньги, чёрт побери. . . Но ему не жалко. Вот ему интересно устроить какое-то такое представление, вечер с этими самыми птичками. . . Ну, пусть, я так считаю. . .

— Так это значит по наследственности от вас он интересуется рисованием?

— Ну, не знаю. . . Я думаю, Ирка бы сейчас его сожрала. Это дочь моя. Она очень насчёт денег неравнодушный человек. Не знаю, в кого. Не в кого вроде бы. . . Ну, такая. Все у неё на этом строится, поэтому ни я, ни Ваня — общего интереса с нею у нас нет.

— Но удивительно, что Вы рисовали маслом, и Нина Евгеньевна рисовала маслом. . .

— Это так совпало. Просто совпало. Это не связано по жизни никак. Нина Евгеньевна просто училась специально, у неё диплом. Хотя у меня тоже формально есть диплом учителя рисования — вот эти курсы, они давали такую бумагу, диплом.

— А эти курсы вы проходили, когда учились в «педе»?

— Параллельно. Вторая специальность это называлось, это можно было.

— Скажите, а вас из «педа» посылали на практику куда-нибудь, в какую-нибудь школу?

— Ну мы проходили практику.

— А где?

— В разных школах в Москве, не за городом. Именно в московских школах.

— Один урок или целых полгода?

— Полагалось, конечно, целую четверть. . . Нет, не полгода. В основном мы смотрели, как работает учитель сначала. Потом по очереди давали два-три урока, менялись. Толку от этого было немного. Но вот посмотреть, как работают отдельные учителя, было на что. Надо было найти таких. Их очень немного. Причём не все из них любят, чтобы к ним ходили. Учителя вообще не очень любят, чтобы посторонние ходили. Потому что это мешает работе реальной. Понимаете, вмешивается? Зато у них многому можно было реально научиться. А все эти так называемые «методисты»... Есть институт методов обучения. Там есть кафедра географии. Это всё «тьфу»! Сами ничего не умеют.

Был один учитель где-то в районе Рублёвки, на краю города какая-то школа была, и он сделал во дворе географическую площадку. Одно время это модно было. Для Москвы это не очень подходяще, но все равно можно было делать. Будка метео, нормальная, настоящая. Температуры. Разрезы почв, разные почвы. Я вот сама ещё здесь перед институтом, летом. . . Не за год, а за месяц: осенью я поступаю первого сентября, а летом вот здесь в саду Мандельштама я копала, там один из преподавателей-методистов сделал почвы разные и термометры. И я ходила, наблюдала. . . Какая температура воздуха, тоже будка была, и какая температура на почве. Одно дело песок, а другое дело — глина, понятно? Это вообще-то, если делать регулярно, не как «отбыть номер» (как вот я привела детей, показала и всё), а вот именно наблюдать — становится очень интересно. . . Вот я этим занималась в саду Мандельштама. Вы понимаете, где он. . . Это от пединститута было. Тогда он был заброшенный, этот сад Мандельштама: ни скамеечек, ничего. Такой, в полуразрушенном виде. Но была географическая площадка. И зря её закрыли! Кому она мешала, например, я не знаю? Там наблюдать, конечно, надо — метеобудка, всё. . . Но, по-моему, никому бы не помешало, да?

— А пединститут на Пироговке, да? Около Трубецкого переулка?

— Малая Пироговская, дом 1, по-моему, называется. . . Угловой дом. И вы, с одной стороны, так идёте, выходите к метро Фрунзенская, а так идёте — к Спортивной. Там прекрасный зал. Но уже в мои годы на праздники приезжала такая оторва, публика — девочки свободных нравов, танцевали то, что везде было запрещено. . . Но это не наши студентки. Нам «класс показывали», как надо.

Было у нас несколько хороших преподавателей. Как ни странно, был один по философии диалектического материализма. . . Вот если бы я в Яникова не влюбилась, а, вернее, не он бы сделал мне шаги навстречу, я могла бы влюбиться в Балера, диалектический материализм. Потом курс географии животных. . . Тот профессор весь такой «причупыренный», наглаженный. Выносили ему на лекции стакан, закрытый белоснежной салфеточкой. . . Но зато при этом ему выносили каких-нибудь необыкновенных птиц тропических, животных. Это сочетание такого рафинированного преподавателя и животных натуральных, красивых, безумно красивых, в перьях во всяких, приводило меня в восторг. . . Он был хороший преподаватель, но читал занудно. Понимаете, нельзя читать занудно. Умные вещи говорил! Но это только такие идиоты, как я, могли вслушиваться! Это уже не то, что нужно для преподавателя.

А у Балера (диалектический материализм), был ещё напарник по историческому материализму. Вот это был номер! Кто бы узнал, что бы со мной стало... Одна подружка знала. Но не проболталась. Кафедра вот такая, ну ящик, вот здесь конспекты лектора. Там дощечка. И я всегда сидела за первой партой. Показательно-образцовая ученица была, студентка. Все сессии на отлично. Сталинская стипендиатка, между прочим, ни много, ни мало. Не просто вот... Сначала просто диплом с отличием, а потом сталинская стипендиатка, таким платили прилично. Я не помню сколько, но стипендии мне на жизнь хватало. Даже маме обеды я брала в институте и несла домой. Конечно, одеваться не было на что, но есть было что — это уже хорошо. Так вот, исторический материализм. И что я делала. Один раз получилось случайно, я вот так вот ногой толкнула кафедру, и там что-то — ой, и упало... Дня через два я решила уже не случайно попробовать. А я такая вся правильная, смотрю прямо на преподавателя. И я довольно долго... раз десять точно проделала.

— Бутылку он там что ли прятал?

— Да не бутылку, а падает подставка, и там падают конспекты лекции. А он пока в них не разберётся, ничего сказать не может.

— А, читает по бумажке, да?

— Ну да. Он сказать ничего не может!

— И он не догадался, что это Вы?

— Да понять очень просто было! Ну, мог не понять. Плохая кафедра, сломанная. Пойди к завхозу, скажи — самое большое, что от него требовалось. Или возьми сам молоток (если завхоз скажет «некогда!») и гвозди — и прибей или приклей! Вот эти идиоты, марксизм-ленинизм которые преподавали, они во всём идиоты, понимаете? Ой, господи, меня разнесло... А тогда бы меня посадили...

Мама моя (да и Ирка тоже) говорит: «Ты там не болтай!». Я говорю: «Ну я прям прихожу на работу, сажусь и начинаю болтать про советскую власть!» Я к советской власти очень хорошо отношусь, кстати. То, что нас спасли во время войны, детей, вот этот интернат... Значит, не договорила.

Через несколько дней перевезли в Скопін. Из Побединки, из деревни. В Побединке мы два раза ходили в школу. Первый класс. Я оказалась почему-то на последней парте, у стенки. И очень хотела высказаться. Потому что надо было придумать слова на букву «и». И все подымали руки, придумывали. И я подняла руку и придумала! Но меня долго-долго не спрашивала учительница, все уже устали, не хотели. «Ну, девочка, скажи». Уже всё. Ну, девочка

встала и сказала: «Ицо!». И тут все грохнули, а я очень обиделась. Я даже рыдала потом, в туалет пошла порыдаться. И почему мне не объяснили? Нет, нет! В том-то и дело! Не объяснили, что, оказывается, «ицо» — это «яйцо». Так говорите так: «Яйцо». Все же говорят «ицо»!

Поэтому опыт печальный был. Ещё у меня, когда вели в школу, не было портфеля, только потом мама привезла. И вот мы в Скопинё. Это немножко южнее Рязани. Маленький город, но тоже близко к линии фронта. Поместили нас в школе, на полу. Там кормили какой-то не такой едой. Я в Скопине. . . Какие-то мальчишки около нас крутились, около интернатских. Давали пробовать чеснок. Я чеснок до восьми лет не пробовала, не знала, в быту не было. Он мне понравился. Потом давали на ужин. . . Дождь, слякоть, холод! А нас водят в столовую. На ужин дают кашу из чечевицы. Вот это мне не понравилось. Совсем не понравилось, но попробовать надо было. Там мы жили всего ничего. Дня два-три. Спали на полу. Как-то не неприятно, но уже холодно было. Плохо мы были одеты. Как-то резко наступила осень. Ну а потом нас посадили в теплушки и отправили. . . Наш поезд идёт на восток.

Это очень интересно и. . . Раз вы меня слушаете, значит где-то вы чего-то можете сказать или у вас просто личное любопытство, да?

— Ну, у меня личное, а что?

— Я скажу в любом случае, просто зависит. . . Мне ваше время жалко. Ведь, скорее всего, наш интернат — это был интернат со всех окрестных улиц, включая Лужники. У меня подружка жила, Надя Осипенко, в Лужниках. После я к ней ездила, как нас привезли в Москву. И там была хибара какая-то и пол земляной. Это в Москве, в сорок третьем году! Нас привезли сюда, и она пригласила в гости. Это я увидела. Что в Москве, в Лужниках, было так. Своими ногами почувствовала. Так жили. Первое, что надо осознать. Я думаю, не один наш интернат был такой. Были же другие интернаты! Вот с этого хотя бы Фрунзенского района! Он Фрунзенским назывался тогда. Где материалы обо всём этом? Хоть один фильм вы видели? Я не видела ни фильма, ни заставочки, ни в каких воспоминаниях о войне. . . Ведь это тоже война была, понимаете? И я думаю, не только во Фрунзенском, я думаю, всю Москву вывозили. Но почему-то это забыто! Понятно? Ну я понимаю почему, а почему я-то молчала? А потому что мне некогда, мне жрать нечего было! Мне надо работать было. И кому это интересно? Но вообще, если бы был нормальный историк. . . Это же целая эпопея, спасали детей! Нас спасали! Сначала я была отправлена с детским садом

за город. Оттуда мама меня привезла в Москву, как сейчас помню, в Москве уже были бомбёжки. Как началась война, тоже помню. Объявили по радио (а мы собирались в Парк Культуры). Откуда, вот дом 12, где мы жили. Она меня нарядила в белое хлопковое платье, настоящий такой хлопок и отделка синяя. Тут было яблоко такое синее, с лепестком. Я, правда, хотела матроску, но матроску мне мама наотрез отказывалась покупать и делать. Собирались в Парк Культуры и тут: «Товарищи. . .» и так далее. «Подлый враг напал. . .»

Так вот, наверное, было и в других районах такое. Почему ни художественной литературы, ни каких-то книг мне не попадалось? Может, надо было больше интересоваться. Может, кто-нибудь знает об этом. Потому что это страница очень важная. Вот так нас спасли, вы понимаете? Это самый настоящий акт спасения. Потому что, кто оставался в Москве. . . Во-первых, жрать нечего было. Нас кормили! Нам даже доставали шоколад. . . Вот как попадал, например, в этот интернат, который 70 километров от железной дороги, американский шоколад, и нам его давали, а? Во время войны?

— Ещё под Рязанью или как уже?

— Нет, это Молотов.⁹ Молотовская тогда область была. Вот как нас везли? Теплушки — вот это я помню из Скопина. Кормили плохо, дождь, слякоть — вот что у меня осталось в голове. Теплушки: нары так и вот так, внизу, наверху. Я наверху, причём у окошка. И здесь, рядом, воспитательница. Всегда считали, что мне меньше лет, чем на самом деле, и как-то относились более внимательно, что ли. Я это чувствовала, что мне достаётся «за так». Потому что были мои ровесницы и на них — ноль внимания. А меня хотели пригреть как-то. Я помню вот это ощущение, что кто-то обо мне заботится. Посередине печка-буржуйка. Понимаете, железная, топится там чем попало. И мне хоть чуточку в окошко что-то видно, хоть чуточку. Месяц и восемнадцать дней нас вёз этот поезд.

— Сорок восемь дней?!

— Да. Нас перевезли через Урал; когда подвозили, взрослые ребята, шестой-седьмой класс, кричали: «Урал! Урал!». Я тогда впервые услышала это слово. Хотя до этого в детстве находилась в Кургане, это за Уралом. Но там даже такого слова не слышала. Потом мы развернулись, и обратно в Предуралье, на запад поехали. Почему так получилось? Почему так долго? В принципе-то расстояние нормальное, да? Сейчас, наверное, сутки-двое самое большее ехать. Дело в том, что нам навстречу из Сибири, из восточных

⁹Теперь Пермь.

районов, шли открытые платформы, эшелоны с оружием, неприкрытые. Пушки там, танки. Видно было, что собрано с бору по сосенке, с миру по нитке. Вот такое. Мы это наблюдали. И мы часто стояли и пропускали вот эти поезда, которые шли на фронт. Поэтому слово «фронт» вошло в быт уже в этой поездке. Нас привезли в Молотов (но нам не сказали, что за город, ничего), сразу в какой-то деревянный дом в пригороде и распределили по саням. Значит, сани розвальни — сюда один, два, три человека, закрывают тулупами. Здесь возница с вожжами, через нас он гонит. . .

— А это была уже зима что ли?

— Был, всего-навсего, октябрь месяц.

— Октябрь и так холодно?

— Месяц и восемнадцать дней — ну, конец октября. Вы знаете, даже здесь, по своему опыту, если припомните, октябрь всякий бывает. А это же Сибирь. Там всё раньше происходит. Сибирь, Урал. Причём Пермь достаточно выдвинута к северу. И лежим, укрытые этими тулупами, и только небо вот так крутится как будто, и звёзды яркие, на темном фоне, они как бы сверкают. Останавливаемся ночью посреди леса, говорят: «Выходите». Выходим. Избушка. Там тепло, там самовар и нам стоя (там сесть даже негде было) дают кипяточку баночку и по кусочку сахара. Причём какого сахара. Не такого, как сейчас — мур! Колотого, который надо сосать. Счастье! До сих пор помню. Ощущение тепла. А потом: «Всё, дети, собираемся быстро, поехали дальше».

Дальше приехали. Готовое жильё. Большая комната, и вот так стоят одна нара, вторая. Причём в два этажа. Вот так вот. Всё в нарах. Нижний этаж — верхний этаж. Я не помню, сколько — человек сорок нас там было, не меньше. А мальчишки отдельно (начиная с третьего класса). Первый-второй были с нами. Мальчики-девочки без разбора, одно ведро на всех. . . Как-то на этом не заострялось внимание. Даже я не помню, чтобы были споры или что «ты не так в ведро пописал». . . Не было ничего такого. Вставали, писали, как кому надо. Там показывали — это сюда, это сюда. И каждый вечер Гальперина Вера Исаковна. . . Вот я очень забываю всё и, не дай бог, забуду её имя-фамилию. Наша воспитательница.

— Она была с вами ещё в Скопине?

— Появилась и запомнилась она мне там уже, на месте. В Скопине непонятно, спали на полу, есть там кто с нами, нет в итоге с нами. . . Потом вдруг приходит кто-то, говорит «пошли». . . В общем, бесхозное какое-то было состояние. А тут так. Первая ночь у меня была ужасная, я была на втором этаже и свалилась оттуда. Меня быстренько переселили на первый этаж нар. Каждый вечер

Вера Исаковна читала нам что-нибудь. Я помню всего Жюль Верна, «Дети капитана Гранта» там. . .

— А где она брала? Там была какая-то библиотека? Или. . .

— Да, там школа была в селе. Видимо там. Может, с собой что было; может, ходила побиралась по деревне, там же тоже интеллигентные люди были. Или ещё такое читала. Мальчик стоял на посту и описался. Ребята, не помните такой рассказ, чей это рассказ? Нет? Там школьников принимали в пионеры. Был ритуал. Ставили школьника на какое-то место и потом повязывали галстук. А сами уходили. А про него просто забыли, случайно. А он не мог сойти с поста.

— А у Пантелеева есть такой рассказ! «Честное слово» или что-то такое.

— Может быть. И шёл дождь. И он под этим дождём весь промок и описался, я помню. С тех пор я помню такой рассказ, потому что она читала. И когда меня не отпускает чувство долга; когда чувствую, что я должна — всё время вспоминаю этот рассказ! Понимаете, где-то вот в крови это сидит. Может, потому что в таком раннем возрасте. Потому что серьёзный разговор, до слёз мне было жалко этого мальчика. И вот так каждый вечер. Что-нибудь читалось.

И так мы жили с первого по третий класс включительно. А старшие мальчики жили отдельно от нас. Начиная с четвероклассников. Она к ним не очень хорошо относилась, Вера Исаковна, не знаю почему, что-то ругалась на них. Они её просто третировали и ненавидели. Я не знаю, приходил ли к ним кто-нибудь так читать книжки, как она нашей группе читала. Один вход налево, наш, у них направо вход. Что там было у них, я не знаю. Но они очень плохо к ней относились и называли её «жидовка». Что такое «жидовка», я не знала, просто не знала. Но я понимала, что это что-то плохое они хотят о ней сказать. И даже заступалась. При этом мальчики эти ко мне хорошо относились. Вот эти мальчишки-четвероклассники, которых иначе как хулиганами не называли. . . «Ты не ходи к этим хулиганам» — вот это я слышала. А мне хулиганы ничего плохого не делали, кроме того, что мне не нравилось, почему они Веру Исаковну зовут «жидовкой». Причём я не понимала, откуда это слово — ни смысла, ничего. Если бы сказали «старая дура», я бы поняла. А тут какое-то непонятное слово, но что-то такое плохое за ним кроется. Они почему-то не ладили с Верой Исаковной, а она с ними. Она тоже откровенно плохо отзывалась о них. Не знаю, может, они ругались матом, я тогда не понимала — мат, не мат. Я

не знала просто, что это такое, может быть они ругались на самом деле, у меня мимо сознания всё.

Долгое время моя мама не знала, где я, а я не знала, где моя мама. Большинство детей получало письма. А я не знала, где мама. И вот приходили когда к ним посылки, меня они звали, конфетки вынимали, давали. Ну кто я? Они мне всегда меньше лет давали. Я не знаю. Почему-то меня они с собой таскали. Я даже один раз уходила с ними в лес, к партизанам. Искать, да. Они пошли к партизанам, меня взяли, сказали только: «Молчи». Никого, ничего. Надо было два дня подождать, поднакопить хлеб, мы за пазухой держали. Пойдём в тайгу. И мы были уверены, что мы пойдём в тайгу, а там сразу партизаны. Нас отловили.

— Вас специально ловили, да?

— Конечно. В тайге-то заблудиться — немало покажется. Мы ушли, а кто-то слышал, что мы к партизанам, сказал. Пошли искать. Наказание, по-моему, два дня без обеда, что-то в таком духе. Это такое наказание, конкретное. Чувствительное, осязаемое.

— А вы в лесу переночевали или вас сразу поймали?

— Не помню, думаю сразу. Если б переночевали, наверное, запомнилось бы. Нет, ну правда, чего мне врать. Но мороки-то с нами, сами понимаете, было много.

И вот так я впервые столкнулась с этим еврейским вопросом, с которым я не могла разобраться всю оставшуюся жизнь, особенно попав в 57-ю школу. Рассказать, как у меня еврейский вопрос решался в вечерней школе? И как я стала интересоваться еврейским вопросом. Раньше у меня было такое общее воспитание, что все люди равны, и мне не важно, кто они. Не было вокруг меня никаких таких злодеев. А тут вот так получилось. Я вообще, в принципе, этого вопроса по жизни не знала, даже кончив институт. Я с ним просто не сталкивалась. У меня не было такого вопроса. Да, конечно, я видела фамилии.

— А в газетах, как же там? Там было «дело врачей», «космополиты»...

— А, это я не связывала...

— Не читали совсем?

— Ну, во-первых, не читала, конечно. А во-вторых, как сказать, я не связывала одно с другим. Было много у нас знакомых. Ведер, Айсман, Альтман... всех не перечислишь. Я из такого еврейского класса, отобранного, 29-я школа, престижная. Директор — депутат Верховного Совета. Видимо, своих детей все вот так подтаскивали сюда, потому что в неё попасть со стороны было нельзя. Восемь классов заканчиваешь — это была норма. Идёшь в техникум, идёшь

куда угодно, идёшь на работу. «Я тебя устрою» — директриса, между прочим, не ленилась, пристраивала кого нужно, но уговаривала не ходить в старшие классы.

— Почему? Чтобы из школы не брали, а брали только из ПТУ, что ли?

— Делала престижную школу. «Благородных девиц», она у нас называлась. На самом деле! Танцы-шманцы, «па де грасс», «па де де» и там всё прочее — этому нас учили. Нас учили латыни, ещё чёрт-те чему, рукоделиям всяким. Это для высшего общества приличные девушки. Нам не рекомендовалось знакомиться на улице. Специально обучали этому, что не надо. Ну это хорошо, это полезное правило было. Мало ли, жизнь так устроена. . . Собственно говоря, это классовое расслоение, которого у нас не было. У нас же было бесклассовое общество, и так далее! Не поленишься, после моей смерти найдёте, есть классные фотографии, где подписаны фамилии. Вы ахнете! Пятьдесят седьмая школа, извините, в подмётки по этому вопросу не годится! Окей. Хотя она тоже называется «пятидесяти семитская».

— А, директор не хотела, чтобы школу кончали с такими фамилиями, да?

— Наоборот, удаляли Ивановых и Петровых! Их удаляли! Евреев сохраняли, что ты! А директор там была депутат Верховного совета; орден Ленина, по-моему, у неё был.

— Она была еврейка или кто?

— Неизвестно. Самое интересное, я никогда этим не интересовалась, кто есть кто. Вот так я выросла в интернате. А вот эти самые мои мальчишки, с которыми я дружила, называли воспитательницу «жидовкой». И она им платила тоже нехорошим отношением. Но я не знала, что такое «жидовка». И долго не знала, кстати сказать, и сейчас до конца не понимаю, но понимаю, что это какое-то нехорошее, отрицательное название еврейской женщины. Или мужчины, тогда «жид» будет. Не знала! Умудрилась так вырасти в Советском Союзе, что у меня не возникал этот еврейский вопрос. Хотя я училась в таком классе. И, как-то я помню, мы собирались, сидели, и стали смотреть список класса, и все ржали.

Я вот этой патологической ненависти к евреям не встречала ни разу. А встретила я её в вечерней школе. Причём я не знала, что это так глубоко. Именно ненависть! Когда мальчишки обзывают тётку, которая заставляет их мыть руки и убирать за собой постель, воспитывает их, нехорошим словом (вот так я воспринимала) — это одно. А когда, ни с того, ни с сего обзывают человека вот так уже

взрослые люди. . . И тогда я понимаю, что смысл-то другой — это уже другое.

— А что, они обзывали кого-то? Своего одноклассника, или учителя, или кого?

— Вот я сейчас к этому подхожу. Как это произошло, почему произошло? Я помню этот класс, довольно большой по формату. На последней парте сидел один морячок, бывший. У нас после армии приходили. Всё произошло по моей вине. Я давала Дальний Восток и, ничтоже сумняшеся, называю, как называла бы состав территории Уральского района.

— А, Биробиджан.

— И я перечисляю: «Еврейская автономная область». И вдруг этот морячок, который сидел на последней парте, вслух, во весь голос говорит: «Мало их Гитлер резал». И я поняла, что всё. Что я «попала». И установилась мёртвая тишина. А я ничего не знаю, почему там Еврейская автономная область. Для меня вообще: что еврей, что татарин, для меня по жизни всегда так было, так и осталось. Был бы человек хороший. Вот так вот. А вопрос в такой вот острой форме у меня не стоял. А тут говорят: «Мало их Гитлер резал!» Это уже извините. . . Я стою у доски. Что делать, что делать?! Я ничего не знаю! Что сказать, чтобы убедительной быть? Сказать, что «ты дурак, что так нельзя, что в Конституции записано»? Ну, нельзя. . . И тут меня осенило. А установилась мёртвая тишина! Все понимают, что я должна что-то сказать. А все молчат. То ли согласны, то ли ждут концерта, то ли что. . . Причём класс такой, пятьдесят на пятьдесят, взрослые уже сидят. Это не детки. И вдруг я вспомнила: у них работает математиком Лия Феликсовна Престина. С виду типичная еврейка. Вот есть по виду, не отличишь — еврей, не еврей, не разберёшься. А тут очевидно, и они все её обожают как учителя. И я вот так отошла к доске, и в этой полной тишине говорю: «Что, и Лиичку тоже?» (резал бы).

И тут они стали все переглядываться, что на самом деле получается. Они же её любят! А она еврейка. А они об этом не думали, да? До сих пор, пока вот этот дубина не высказался, что «мало их Гитлер резал». Я говорю: «Что, и Лиичку тоже?». Я попала в точку. И я помню вот это состояние, когда я не знаю, что сказать. И говорить «политика партии такая-то» будет глупо! Это же ближе. Понимаете, чем вечерняя школа отличается? Она живая, там не думают, не опасаются, что про кого скажут там директору школы или придут из райкома партии. Там об этом не думают, там послали всех куда подальше — и всё. Натуральным русским языком.

Прихожу домой, рассказываю Яну. Говорю: «Ян, вот такая история. Просвети меня, я ничего не знаю о евреях, о еврейском вопросе. Что там, почему вообще такое отношение в этом еврейском вопросе?». Кое-как он меня на первых порах просветил. Да и я потом пыталась. Факт в том, что это — ненависть. Я дальше поняла, она где-то в крови. Потому что в этом же классе был прощальный вечер такой, в конце года, не выпускной. Танцует со мной один ученик и говорит: «Вы знаете, Елена Степановна, а я ведь тоже думал, что все евреи какие-то не такие». Понимаете, как это глубоко? Потом, уже в другом классе всё это пошло так, что я стала вводить, не специально конечно, еврейскую тему. . . Вот возникает вопрос, Еврейская автономная область на Дальнем Востоке и так далее. . . Потому что я знаю, первоначально просили землю где-то в Крыму. Но я тоже не знаток. Где-то краем уха и так далее. Писать вот так, чтобы было ясно что, где и почему — я не встречала у евреев такой литературы. Чтобы нормальному русскому человеку объяснили, за что он ненавидит евреев, предположим. Это достаточно распространённая точка зрения. И как же вы, товарищи коммунисты, допускаете такое? Никто не задумывается! А вечерняя школа заставила меня задуматься.

Я сама тоже ни сном, ни духом — и начинаю соображать. Евреи бывают и такие, и такие. Русские бывают и такие, и такие! Танцую с каким-то учеником (другой класс, параллельный, видимо). И тоже мне какой-то мужик взрослый: «Елена Степановна, а вы знаете, вот до того. . . » А я стала вводить эти вопросы сама. Не ждать, когда мне зададут вопросы, из-под ковра. А вот, говорю, возникает такой вопрос. И всё, напрямую. Как с вами сейчас говорю, в лоб. И взрослый мужчина, ему там надо было бумажку получить об образовании, такой, видно, деловой: «Елена Степановна, я даже не задумывался, что евреи — такие же люди». Представляете? Взрослый мужик! Он уже на какой-то работе партийной! А мы делаем вид. . .

А могу я об этом написать в книжке, например, из опыта работы? Фиг с маслом мне дадут. Я могу рассказать аудитории. Эх, надо было вина принести. . . В следующий раз. За вами, мальчики! Я бы сейчас глотнула и сразу бы вспомнила! Вы меня с этой стороны вообще не знали, да? Догадывались, что мне приходилось? Нет? Но с этой истории я, конечно, приобрела сама очень много и знаний более конкретных, и понимания. . . Сказать, что я там поняла, разобралась окончательно — нет, такого не было, конечно. Но, во всяком случае, я поняла другую, страшную вещь. То, что вы сейчас, наверное, не почувствовали ещё. Как это опасно.

Не единичное явление, не один придурок так думает, и я его взяла за шкирку и воспитала, да? Нет. Это достаточно массовый взгляд. Я чего возмущалась, что мальчишки в интернате воспитательницу обзывали «жидовкой», они даже не понимали, что она их кормит и так далее, помогает им выжить. Понимаете? Но просто в народе какое-то дурацкое убеждение, что ли. . . Я даже не знаю, откуда это? Мне муж объяснял, я его пыталась тоже, что это идёт ещё с царских времён, такое, что евреи — не те люди, и от нашей церкви. Любимой всеми. . . А я безбожница! Со мной вот так.

— А вашего мужа тоже послали в детдом? Или он не рассказывал? А откуда взялась фамилия Яников, если он Енукидзе?

— Ой, нет, это тёмные дела. Его мать похоронена как старая большевичка. Я думаю, всякая фамилия там могла быть. Яников — это официальная фамилия его официального отца — мужа вот этой бабки. У бабки был муж — Яников. Она родная мать. Но она очень свободно ходила по знакомым. И среди них был Енукидзе, так я поняла. Там много чего было, где она любила ходить, и с кем она была знакома, и так далее. А вы как-то примитивно понимаете! Это вы такие — ушли в сторону, и всё. А женщина. . .

— А вас в пединституте посылали «на картошку» или как-то так?

— Посылали, да. А как же. «На картошку» посылали. . . Я помню, послали, а у меня обуви не было, мне подружка дала сапоги своего папы, сорок третьего размера. При условии, что у меня тридцать третий. Как я из них не выпала? Намотала портянки, конечно! Тогда не смотрели, что на тебе, как на тебе — абы добраться. Мы нормально к «картошке» относились. Мы, географы, вообще нас куда ни пошли, мы как-то. . . нормально себя чувствовали. И у нас же практики были. Вот, у меня с тех пор след на руке, один раз упала мне на руку крышка. . . В поезде ехали до Нижнего Новгорода, до Горького тогда, крышка вот эта вот, где хранятся одеяла, чемоданы. И я как-то взялась за это основание, а крышка мне хлоп. . . Вот у меня выступ с тех пор, такая шишка. . . В глазах потемнело, девчонки тут были: «Что с тобой, что?» «Всё», я говорю, «молчим». Потому что, если я скажу, меня отправят домой, значит практика пропала, и я никуда не поеду.

И мне так везло, что я на практике каждый раз травмировалась. . . Есть ещё шрам на руке и где-то был на голове. Везли на машинах, грузовик открытый, и там около кабины (я стояла за кабиной) кусок железа, видимо, отогнулся, а я рукой за него, кожу содрало и так далее. Опять я молчу, скрываюсь! Потому что остаться без практики — во-первых, непонятно, как её зачесть. Можно ходить там, кланчить в деканате. . . Но тебе могут проставить, а могут

не проставить... То есть, тебя ставят в унижительное положение, в принципе. Или вы допускаете меня, и всё, тогда мы квиты. Я так и поступала. Или уж, пожалуйста, создайте условия, чтобы человек имел возможность каким-то образом пересдать. Не поедет же человек сам, по маршруту Нижний Новгород, и далее, по Волге, по каналу до Ростова-на-Дону с практикой. И что он там на пароходе будет делать один?

Меня всё время тянуло, между прочим, к каким-то хулиганским выходкам. Нет, я тихая, спокойная девочка была, и все были в этом уверены. В институте я была сталинской стипендиаткой. Подружка у меня была, тоже небольшого роста, мы ехали на теплоходе, это практика была. Девочки все там расположились, в каютах, по восемь человек, по четыре человека, а у нас был вариант. Нас двое и два преподавателя. Максаковский — это автор учебника по географии, по которому мы учились, и до сих пор, по-моему, учатся. Доктор наук, чего-то там профессор, куча у него достоинств. И второй тоже наш преподаватель. Два наших преподавателя, я и Римма Беспалова. Тоже маленькая, хрупкая. Я не знаю, почему все считают, что я спокойная, вежливая. Прямо так в характеристиках пишут. Но вот иногда хочется мне то ли пошутить, то ли что... И, в общем, я Римму подбила... Эти наши гуляют преподаватели оба где-то, на теплоходе, мало ли там места где... Молодые парни. Перепрятать все их принадлежности: зубные щётки, пасту, полотенца... По разным углам этой каюты. Ну, перепрятали. А утром у нас назначено занятие с ними, они наши преподаватели, один одно что-то объясняет, второй другое...

— Прямо на пароходе?

— На пароходе, да. Место там нам выделили, собралась группа... А эти выйти не могут, побриться не могут! И, я вижу, выглядят... Но кроме нас-то никто не мог этого сотворить. Но обошлось! В общем, за это можно было снять с парохода и отправить с практики, честно говоря. Но вот у меня бывают такие вдруг неожиданные поступки, неожиданные для меня самой.

— Нашли они свои принадлежности-то?

— Мы признались. А что было делать-то? Я Римке говорю: «Пошли сдаваться!». Опять, надо же уметь сдаваться, сказать, какие мы идиотки, мы вас так любим... А мы обижаемся на детей. Ведь мы же, взрослые дуры (это какой уже, третий курс), не первый курс. На первом курсе все всего боятся. Мы уже с третьего на четвёртый перешли, практика такая была. Ну что, после этого сердиться на детей, на их шалость? Вот если кто чего набезобразничает, а я приду и расскажу про историю на пароходе. Ведь слушать будут

меня! И забудут про свои шалости на это время. Просто забудут, на какое-то время, конечно, не насовсем. А ещё придут домой и сдуру перескажут своим родителям, что учительница рассказала, что... Вот тогда мне конец! Потому что наверняка найдутся какие-нибудь бабушки, не дай бог ещё дедушки, мамам-папам особенно некогда, ко мне с претензией, не то что ко мне, а к директору школы. А уж есть и такие, которые напишут и в райком партии! Жизнь учителя-то, вы думаете лёгкая?

— Ещё хотели один вопрос задать... По партийной линии много ходили? Проверяющие там? Потому что школы все время теребят...

— Да, очень даже.

— А зачем это всё нужно теребить-то было?

— Этим зачем нужно было? А зачем они вообще существуют? Я сама беспартийная. Меня сколько ни агитировали, я в своё время приняла решение — и всё. Хотя, вот, сталинская стипендиатка и так далее, тогда комсомолка-то была... И я не противница же партии, ничего. Я хочу, чтоб жить было лучше. Больше мне ничего не надо. Чтоб людей уважали, да? Понимали их. Но сволочей очень много — очень много людей, которые не могут без золотого тельца. Он очень портит людей. Я думаю: ну сейчас вот, восемьдесят пять лет, ну чего там осталось, могла и не дожить до восьмидесяти пяти. Ну, вот думаю: сейчас люди носятся, чего-то закупают себе — надо, не надо. Я свои шмотки посмотрела, думаю: господи, а зачем мне столько? Понимаешь? Они там по фасону отличаются, это так... Но ведь люди потребляют гораздо больше, чем им нужно. А там — дома, землю... А ведь всё равно ж, извини, помрёшь. Вот, как бы, другого-то не дано! А ведь столько переживаний, а эти переживания, может быть, на какую-нибудь красивую любовь можно лучше потратить. Есть же за что попереживать. Люди творчеством занимаются... Человек, который пишет научную работу, он тоже может получать колоссальное удовольствие от этого, если его работа интересует, правда же? Кому не повезло — тот из пальца высасывает. Ну, здесь ничего не сделаешь...

— Ну, про причины. Просто такое мнение есть, что в то время очень много внимания уделялось именно школам. Есть две точки зрения — то ли они были настолько важны для науки и прочего, что им уделялось такое внимание, то ли потому, что такие были гнёзда, так сказать, свободомыслия что ли... Как оно на самом деле-то было?

— На самом деле — просто зависть человеческая — и всё. Дерьмо всё! Понимаешь? Вот есть какие-то евреи — они хорошо почему-то живут. Почему — неизвестно, но вот мы их будем все ненавидеть. Вот такой примитивный взгляд. Так мне кажется. Потому что ни разу никакого разумного мотива, соображения мне не встречалось... Понимаете, образовали бы эти евреи какую-нибудь группу там, да? Я бы поняла. Идейную группу, там писали бы чего-нибудь, плакаты рисовали... Не дай бог, конечно. Это ещё понятно. А вот здесь-то на пустом месте чего городить? Просто на пустом месте! Да?

— То есть не потому, что математики, а потому что много просто было этой национальности?

— Да нет, это всё от родителей. При чём тут дети? Детям вообще до фени. Они, некоторые и не знают, кто такие евреи, хотя и будут такими, самыми... как это называют, махровыми евреями. Правильно? Детям всё равно! Только ему обидно, потому что, начиная с какого-то возраста, находятся такие русские пацаны, которые им говорят всякие гадости — о том, что они евреи. А он откуда знает, какой он еврей и что такое еврей? Он знает, ребёнок? Конечно, некоторые родители пытаются объяснить — это я разговаривала с некоторыми. И что? Просто это знак того, что «ты не такой, как все». Но, когда все такие, как ты, «не такие», понимаешь? Тогда жить легче. Вот если ты в русской школе, в такой, в кондовой, возьмём... Один еврей на класс... Или вас трое даже — вы не такие, как все. А если вы трое (или один из вас) в классе, где все евреи практически — и один русский не такой как все, понятно — вы же по-другому себя чувствуете? Вот стадное какое-то это явление, связанное с какими-то животными инстинктами.

— Ну, да. Надеюсь, в будущем это закончится.

— Закончилось бы, если бы нам давали слово... У нас же, та же география — могла бы на эту тему много говорить, и иногда мне удаётся. И то не во всяком классе я буду выступать. Потому что среди учеников есть ещё специальные доносчики, к сожалению. Не знаю, понимают они или нет свои функции, но есть такие, которые понимают. Понимаешь, слишком рано это проявляется. А мне — извини — для меня это хоть плохой кусок хлеба, но кусок хлеба. И мне жить-то тоже надо? Мне много не надо. Но у меня дочь — её обеспечить надо как-то? Я её пристроила в хорошую школу. Благодаря этой школе французской вот она теперь бегаёт по Франциям, Бельгиям, там колуется. Женится, выходит замуж и так далее. Потому что язык у неё поставлен первоклассный! Я постаралась. Использовала свои возможности. Денег у меня нет, конечно... Вот

вы правду больше меня знаете — тут идут и деньги, и знакомства, и так далее, но в какой-то мере, наверное, это присутствует даже в 57-ой школе, так я думаю. Не знаю. Фактов нет. Не собирала, ничего — но думаю, что-то есть. Через кого-то делается, не обязательно напрямую. Я знаю только, что к Нине Евгеньевне с такими вещами никто подсыпаться не будет ни-ког-да. Вот это я знаю точно, потому что знаю, какой она человек.

— А почему она ушла из школы, Елена Степановна?

— Ну, устала. Просто возраст. Вовремя. Вот я тоже вовремя успела. Теперь бывает, что у меня мысль выпадает. . . вот я говорю — раз, мысль оборвалась. Надо уйти вовремя, я об этом думала заранее. То есть «не пересиди». И Нина Евгеньевна, видимо, так же. Я точно не знаю. Но её «не ушли». Её могли «уйти» и хотели. . . Так вот, история, о которой я вам хотела рассказать.

Школе предложили, от райкома партии (они же тоже наши командиры), провести семинар для директоров московских школ. . . Понятно, да? Публика — директора московских школ. Мероприятие, связанное с тем, что учитель (географии, истории и неизвестно чего) является (с точки зрения райкома) контрпропагандистом. Ведь сколько возможностей есть на географии заниматься агитацией и пропагандой. На каждом уроке! Редкий урок, на котором я не могу использовать агитацию и пропаганду. А тут для директоров московских школ. И Нина Евгеньевна просит меня: «Лена, давай!»

— Ого!

— Есть другие историки, я беспартийная. Не тот кандидат-то. Уж сверху на это сразу косо посмотрят. Я говорю: «Нин, ты понимаешь, риск большой». Ну, в конце концов, она меня уговорила. Для чего она понадеялась на меня, не знаю. . .

— Но ведь был же Лев Нилович Бухман? Или Вадим Александрович Исаев?

— Лев Нилович — это прекрасная величина. Но почему-то нельзя было его. Не знаю. Бедные директора школ! Вместо того, чтобы отдохнуть. . .

— Это летом, да? Или когда?

— Нет, это в учебном году. После уроков где-то, в пятницу, по моему, такой день, в общем, не самый трудный — можно уйти из школы. Занимают полный мой кабинет. Полный! Это общегородское мероприятие.

— Как же так? Школ же тысяча! А у вас только сорок мест в классе.

— Ну не тысяча. Кого пригнали. Их тоже ведь загоняли.

— А Нина Евгеньевна должна была при этом присутствовать?

— Нет. Она доверилась. На меня всё это положила. И я говорю. Это же называлось «контрпропагандой» — учителя истории и географии являлись контрпропагандистами! Против американской, буржуазной и всякой там прочей заразы! Да? Мы должны быть контрпропагандистами. И что я сделала? У меня вот в стопке книг журнал «National Geographic», подборка. Я так аккуратненько их выставила к стеночке. И у меня ещё какая контра американская. . . Журнал «Америка». Тоже стопочка. И это я всё выложила. И собралась заниматься контрпропагандой, выставив это всё напоказ. И наш учебник Максаковского — добрая память — у него такая карта. С населением, в серых тонах — как там в учебниках. Уже появился кроме чёрного цвета синий. И показано: Соединённые Штаты и районы, откуда уходит американское население.

— Уходит — в смысле, где уменьшается население штата?

— Где уменьшается население и куда они переходят. Ну, идея такая в учебнике: от плохой жизни они остаются без работы — и куда они прутся? — прутся в города, чтобы что-то найти. И ищут там пристанище. Я говорю: «Я вас, наверное, немножко удивлю. Я о контрпропаганде буду говорить, используя западную контрпропаганду». Потому что, например, журнала «National Geographic» в свободной продаже нет. Он не запрещён. Но вот из Института Географии его не разрешается выносить. А у меня даже были экземпляры, которые мне из Звёздного Городка приносили. Ну, мои ученики. Я всё собираю! Авось пригодится. Ну и показываю так: вот карта из журнала «Америка» — разворот, он большой. Дядя Сэм в красном цилиндре в полосочку сидит чего-то пишет, а тут суетится народ. И вот рабочие, здесь вот уходят с этих земель, не говорится, что они разоряются, а рядом море. Восточное побережье то есть это, Атлантический океан. И говорится, что на побережье люди уходят с этих земель, где они были горняками, уголь там шуровали. Яркое солнце светит, тёплое море и жизнь прекрасна! Ну почему б не уехать? Если тут рядом с тобой вот такая прекрасная жизнь! И вот я показываю это, сравниваю. Я говорю: «А почему б не уехать? В самом деле!» И тут они все не знают, то ли смеяться, то ли. . . что делать? Эти директора школ. Провокация ж! Я провоцирую, короче говоря.

Или вот. . . Бедные люди, негры. Несчастные. Район Гарлем из журнала «National Geographic». Действительно, дом высокий. Но стёкла все серые, грязные, разбитые. А внизу у дома — вот вы, наверное, не застали такую прелесть. Они раньше и в Москве были в моём детстве, довольно долго, до института существовали.

Такая колонка с водой (за городом они до сих пор есть)... И вот дети негритянские обливаются этой водой и страшно довольны... Я говорю: «Смотрите, как рады дети!» И вот прекрасный район Нью-Йорка — Гарлем. И так далее. Вот я что плохого сказала про Америку? Показала картинку. Ну, в общем, всё в таком духе. И на сопоставлении картинок наших и ихних (или описаний), но с использованием подлой западной пропаганды. Был там небольшой перерывчик. Все там взахлёб — эти учителя, эти директора школ — как здорово! Главное — не скучно, потому что все приготовились слушать что-то скучное — «как должна быть устроена жизнь», «как нам относиться к этой подлой Америке». А я рассказываю сказки про Америку! Перерывчик маленький, но я обратила внимание: сидела только одна тётка и что-то писала за мной.

— Донос, наверно.

— И она в этот маленький перерыв сдуру, потому что дура, изначальная дура, успела высказаться своим коллегам — «Какое безобразие! Где тут партийная линия?» И так далее. А я начала с этого: «Товарищи! Я учитель географии, я беспартийная — так скромненько — так что, примите, что есть. Вот, меня попросили — я согласилась. Потому что этот вопрос, на мой взгляд, очень важный». И вот выступает эта стерва и говорит всякие гадости в мой адрес, мол, я политически неподготовленная. Что это просто вредительство — моё выступление. Все мне: «Вы не волнуйтесь, мы заступимся за вас, у вас было...» Вот понимаете? Даже её перебивают! Я говорю: «Да я не волнуюсь. Пусть она волнуется. Ну, я в заключение хотела сказать спасибо вам за внимание. А по поводу выступления вашей коллеги я хочу сказать, напомнить слова известного советского деятеля Михаила Ивановича Калинина, всесоюзного старосты...». Ну, чтобы знакомое для них было, чтобы у людей это как бы застряло. Вот он писал: «Марксист не тот, кто читает только марксистские книги, а тот, кто всякие книги читает по-марксистски». Тут взрыв! В общем, утёрла я ей нос. Я не знаю, писала она донос или нет на меня, но я думаю, она испугалась. Что попадётся вторая такая стерва, и ей жизни не будет. Так что оценили мой доклад, невзирая на мнение вот этой тётки, я не знаю, кто она — официальный представитель или что? — как хороший, удачный и даже интересный. Вот самое подходящее слово, чтобы такой доклад оценить.

— Пришла потом какая-то грамота или как? Откуда вы узнали?

— Нет, нет! Да ну что ты!

— Или просто говорили Нине Евгеньевне?

— Ну, Нине Евгеньевне говорили. А кто ж будет награждать, что вы. . .

— А, и всё? Только один доклад, да? То есть, не так страшно, да?

— Нет, ну что вы. Это ж не курс лекций. Понимаете, у меня бывает так: иной раз кажется, что я ничего не знаю, вообще, я тупая. . . Потом думаю: «Хватит заниматься самоедством! Не хуже других» — вот так себя настраиваю. Потому что я не очень уверенный в себе человек вообще, в принципе. Но мне всегда хочется, чтобы на уроке не было скучно. Мне. Я даже не думаю про учеников, понимаете? Ну если мне скучно, то им-то каково? Понятно? Тем более предмет такой хороший, он даёт много выходов. . . Одно дело — занятие с картой. Это очень серьезная вещь. Потому что этому надо учить, для этого надо время, а оно нигде не предусмотрено. У нас же думают, что чего-нибудь намазала — и всё! А на самом деле, карта дело очень сложное и очень важное. Причём оно по жизни дальше идёт.

Я же, понимаете что: мне посадили всех, я их вижу более-менее, и мне главное, чтобы вот перебить трёп. Потому что после перемены приходят и «ля-ля-ля». И говорить: «Тише! Не шумите!» — это бесполезно. Ну, вот у меня в последние годы был такой случай. Сидят ученики, надо начинать урок, а я какая-то несобранная что ли. И девчонки две сидят и трепяются. А я совершенно не могу вести урок, если кто-то трепется. Пусть делает что угодно, но тихо; мне всё равно, что она там рисует или как. . . Но они трепяются, и я в таком напряжении. Раз сделала замечание: «Девочки!» Второй раз. А в третий раз я говорю: «Девочки, ну а почему бы вам не выйти?» А они сидят. И я начала понимать. Говорю: «у меня был такой случай, на уроке моего любимого учителя географии (это в 29-ой школе ещё я училась), я вот так же не могла остановиться. . . Установилась мёртвая тишина! Все меня заслушались, что я о чём-то говорю от души. И тишина настолько мёртвая, что, вот, муха пролетит. . . И тут вдруг как из меня смех прыснул, от всей души. Понимаете, я не могла сдержаться, это непроизвольное. Тут все заржали, и я вместе с ними. И дальше я говорю: «Ну, теперь поехали вперёд». Но это совершенно не учительское поведение. А я не могла сдержаться, у меня это непроизвольно получилось, вот этот всплеск. И не совсем на тему.

Я же заканчивала ещё физмат: боялась, что у меня не будет работы по географии. И я со страху, когда вела первый урок по математике, слово «сумма» — отошла, смотрю, написала с одной «м».

— А где Вы вели первый урок математики?

— Слава богу, в вечерней школе, где никто ничего не понял. И даже, что «сумма» с одним «м» — никого не смутило. Но меня привело в ужас. Понимаете? Я поняла, что это у меня стрессовое состояние, и я такое допустила. Я скорее к доске, стирать! (смеётся)

— То есть, Вы одновременно и географию преподавали, и математику поначалу?

— Нет, с математикой я быстро покончила и поняла, что это не моё. Не моё! То, что я её изучала — это пошло на пользу. Вообще, кое-что мне шло на пользу странным образом. Иногда и на такую. Значит, организовали такие курсы, для учителей разных специальностей, по изучению как раз физики и математики, по моему. И давали дипломы за три года. Был такой курс в Москве, повышения квалификации, когда люди уже имеют высшее образование. Ну и я решила пойти, мало ли. . . Потому что я всё время боялась без работы остаться — а вдруг географию совсем преподавать не будут? Кому она нужна у нас в стране — география? Боже избавь! В любой момент могли прикрыть и могут прикрыть. Я это понимала. Ян не мог тянуть на две семьи. Я его вообще. . . как бы, не трогала на тему «откуда что берётся». Ну, иногда он покупал какие-то продукты, и всё, и больше никаких расходов. «От и до» жизнь была, в смысле обеспечения. Значит, надо как-то думать.

Много передраг у меня было на этом вечернем факультете. Потом выяснилось, что меня преследовал декан факультета — а я не могла понять: каждый раз, у меня всё сдано, а я вишу в списке должников почему-то. А просто однажды Ян на него наехал — это один институт — а он был злопамятный человек! И решил мстить мне за то, что Яников его обозвал. Понимаешь, вот, ну бывают такие люди — и всё! Нам и Виленкин преподавал, и Мордкович — это сейчас известная фамилия, да? Учебник у него есть, для школы. И тот же предмет вёл и Варпаховский некий. И Варпаховский весь задыхался-возмущался, что мы ничего не понимаем, а Мордкович очень спокойный такой был. Несколько раз меня подвозил после института, подхватывал, говорил: «Давайте я вас подвезу на такси, нам в одном направлении». Ну, я не отказывалась; мужу говорила, естественно, потому что тот тоже может заехать. . . Очень спокойный. Что такое эпсилон, эпсилон-окрестность? «Да не переживайте, девочки! Просто существует — и всё. Но что это такое — это совершенно не важно». Вот так он нас успокаивал, и это снимало напряжение, ощущение, что ты дура полная, понимаешь? А потом чего-то получалось более-менее.

Ну и с физикой такая же тьма была. И вот сидит молодой физик. Я готовлюсь. А передо мной тётки — учительницы в смысле, его окружили. И никак не могут сдать, и он уже запыхался. А спрашивает он, я догадалась что, мне слышно (мы вот на таком расстоянии были), что речь идёт о теореме, о формуле света. Я её, как ни странно, знала. $E = mc^2$, да, правильно? Что это, дальше этого я не знала. А он пытается выжать эту формулу из этих баб. Они уже в очереди, они уже в соплях, в слезах... Ну, я не выдержала. Я говорю: «Ну что вы, это же, девочки — ну, эти бабы взрослые, — это же на каждом заборе написано!» А уж популярных книг, научно-популярных, с формулой на обложке, сколько угодно — я-то откуда эту формулу знаю? Я её знаю и понимаю. Я знаю, что E — это энергия, правильно? m — масса, c^2 — скорость света в квадрате. Всё! Я-то всё это знаю, но я не понимаю, какая тут связь и причём тут расстояние и всё прочее! Потому что никто мне это не объяснил... Я пыталась, у меня по физике даже несколько книг каких-то английских, по-моему, или американских. Я вообще пытливый человек: я не понимаю — я хочу понять. Так я ничего и не поняла. Но мне стало жалко его, потому что он хочет добиться от этих баб невозможного. Он на меня как на богиню посмотрел — я говорю: «Ну, вот видите — всё не так важно, не так страшно!» Он им всем поставил зачёт, а меня он не стал спрашивать — поставил отлично! (смеётся)

Или ещё функции... сейчас неправильно ударение сделаю — поправляйте. Комплексного переменного... или комплексного?

— Именно так, комплексного, именно так.

— Функции комплексного переменного. Я сидела готовилась — я рыдала. Ян приходил, старался объяснить, но тут тоже ничего... я вижу, чувствую, что не понимает! Когда он понимает, он всё ясно говорит. А тут — я его погнала в шею, так сказать, «уйди!» Был некто, Костенюк фамилия. И кто к нему приходил, и как только спотыкался — он всех гнал. Такая скотина. Неужели не понимает, что то, что он учит, надо уметь объяснять? Чтобы хоть что-то было понятно! Ну нельзя! Это хуже, чем иностранный язык! Понимаете, который без всякого перевода — запоминай и всё! Такого же не бывает, всегда перевод тебе помогает освоить язык. И он чуть что — человек начинает путаться и говорит: «Ой, а дальше...». А он — «А дальше идите гуляйте!» Вот так всех-всех-всех-всех...

Я сидела, думала «идти — не идти?». Но я уже отрыдалась, ещё дома, с Яном поругалась. Но всё-таки я пришла, сидела тут, думала: «Пойду понюхаю, что там как». Сижую, готовлюсь, заготовила первую фразу к началу билета. Думаю, «Что делать? Что делать?»

Все выходят, мы их допрашиваем, кто вышел. Так и есть: если вы говорите, что дальше не знаете, то «тогда идите». И я думаю: «Как быть?» Начала объяснять вот настолечко я, чего-то внятное произнесла. Он говорит: «Дальше». Я хотела сказать на эту тему, как мне Ян говорил, но не сказала, конечно. Вот на языке хулиганские слова. Знаете, какие?

— Нет, нет, не знаю.

— Ну да. Говорят «дальше», а дальше что? (смеётся) Вот, не учились вы в вечерней школе! А дальше, извините, «яйца не пускают».

Ну, он мне говорит, чтобы я, как бы, дальше продолжила. Но он же не выгнал меня! Первый вывод я сделала сразу — «не выгнал!» Значит сейчас надо идти напролом. Ну, я знаю, что даже если я месяц буду сидеть эту «абракадабру» изучать, я всё равно ничего не пойму и не запомню! А у него фамилия Костенюк. А у меня Антонюк! Я начала думать на эту тему. Нет, на всякий случай. Нет, мне напрямую не пригодилось, но, думаю, как-то пригодилось. Потому что, если он сразу отсылал, при первой запинке, меня-то он не отослал! И я ему говорю: «Вы знаете, у вас такой предмет, честно, вы видите, сколько народу не сдали?» И начала с ним беседу. И он сдался!

— Поставил «пятёрку» прямо?

— Ну, какую пятёрку. Зачёт это был. И какую мне пятёрку? Мне и не нужна она была вообще, в принципе!

— Здорово! И что, прямо одна из всего курса Вы сдали?

— Нет, не знаю. Может кто ещё и сдал, мне уже не до этого было, я вообще была без сил. Меня настолько это всё прямо выворачивало! Понимаете, что многие из-за этого уходили и бросали. Последний курс — это что, это шуточки? Три года отходить. Это же всё вечером. Как мне с дочкой быть?.. Девочка в вечерней школе, кстати, сидела. Почему-то очень сочувственно ко мне относилась. Я же уходила из дому на целый день. Ян же не сразу переехал ко мне. Так что... прошла такое испытание.

Главное, вообще не надо заикливаться... Как мне нравился Мордкович именно за то, что он говорил: «Да вы забудьте, не надо. Вы говорите просто «эпсилон-окрестность», а что это такое — вас не касается». Вот успокаивал. Понимаете, это же очень важно! Потому что, когда люди искренне хотят, пытаются сделать, и не получается — это же что-то такое, да? Это же срыв нервной системы, в принципе. А у нас — желание напугать! У нас преподаватели страдают на том, что хочется показать, какие они умные. Это больше даже для вузовских преподавателей — и вот даже больше к математическому циклу относится. Это к гуманитариям не относится.

У нас тоже есть — одна геология чего стоит! Представляете эту всю табличку? По этим этапам, эрам и группам, да? Свихнёшься — какой там животный мир был и так далее. Это мы в школе обходимся минимумом, а вообще-то на курсе геологии — там много-много надо знать и помнить. Зависит от того, умный у вас преподаватель принимает или скотина, дурак. Потому что, как правило, эти два свойства сочетаются. Ну, правда.

— А Бокштейн у Вас не преподавал? Или Райков?

— Нет, такого не было. Но преподавала одна дамочка, Цаленко, вся из себя, всегда опаздывала на свои лекции. А мы учимся вечером, в вечернюю смену, и утром нам на работу. Мы-то работали с утра до вечера, да? Опаздывает: раз на пятнадцать минут, два... Потом я стала записывать. Все дни, когда и на сколько она опоздала. Ну, просто так.

— И Вы ей принесли список или...?

— Принесла.

— И что она?

— Сначала я продемонстрировала, что я что-то знаю. И неплохо знала. Мало того, у меня шпаргалка была. Тетрадь по вопросам билетов; зелёной, красной, чёрной ручкой все чертежи... Аналитическая геометрия была. Кое-что я понимала и вызубрила. Ну, если я понимаю, то это уже вызубрить — не такая проблема. Когда не понимаю, я не могу учить это. У меня вот так вот пиджак был, вот здесь засунута тетрадь эта, со шпаргалками. Ну и я села... Да, сначала она просто беседует. Чтобы понять, какая дура перед ней сидит. Демонстративно так, такая вся из себя... Намазанная, покрашенная, ну, в общем, приодетая. А мы там... училки. Вот демонстрирует — а ты понимаешь, ты к какой аудитории пришла, кто перед тобой? От хорошей жизни люди получают твою вторую специальность? Ну, вот понимаете, элементарного такта нет. Я считаю, что это отсутствие интеллигентности. Ну, бог с ней.

И вот сначала она предварительно беседует. Насколько я в курсе. Но это я всегда сама так делаю. Чтобы разобраться примерно в курсе, структуре и так далее. А отдельные вопросы — это отдельные вопросы. Как они между собой связаны — это очень важно тоже. Поэтому в общих чертах я понимала, о чём речь. Но не все билеты мною были проработаны. У меня где-то даже сохранилась шпаргалка. Если попадётся — могу подарить. И всё это вычерчено: заглавие одним цветом, чертежи вычерчены, подписаны разным цветом, под номерами там все... То, что сделано. Ну, а что не сделано — там просто заготовка страницы: название и всё. И ещё

была тетрадь с её лекциями, где я записывала, когда, во сколько она пришла.

И когда я ответила, и она мне чего-то поставила (по-моему, пять даже), я достала эту тетрадь. И я вообще-то её спасла, по идее. Я же не ходила на совет. Но я ей объяснила, что так делать нельзя. Потому что все мы тут живые люди. Я записала все опоздания. Я говорю: «А во что мне обходятся, например, Ваши опоздания, когда у меня с дочкой сидит чужой человек, Вы не задумывались?» Ну я ей такой мандраж устроила, она там перетряслась. «Так вообще-то делать нельзя. Мы живые люди, нам это всё очень дорого достанется». Прочитала ей мораль — и ушла восвояси. Дальше я ничего плохого ей не делала, естественно. Но проучить надо было? И, когда она увидела все мои пометки, записи, я не постеснялась, показала — вот что я успела подготовить по билетам, а вот что я не успела. Уж извините. Тут я ей показала, что я не всё знаю. Могла бы мне и всадить чего-нибудь, за то, что я и это не знаю, и это не знаю. . . Вот если бы она была сволочью, она бы так и сделала. Она оказалась не сволочью, а просто разгильдяйкой молодой, которая не понимает, что на работу надо приходить вовремя, что тебя ждут люди живые, правильно?

А дальше — со мной была дальше история. Вот я училась, училась там. . . Все получают дипломы, а мне ку-ку!

— Это опять тот завистник Яна. . .

— Да, да, декан. Федятин, что ли. Ну, неважно. Он того не стоит. Значит, в чём дело? Тем, у кого всё с отметками в порядке (а у меня всё было в порядке), предлагалось сдать ещё, помимо математики, общественно-политические дисциплины. У меня: во-первых, получен диплом на геофаке, там все эти предметы есть. Второе: мной сдан кандидатский минимум в Университете по этим же дисциплинам, политическим и всяким. И я с этим иду к ректору Института, в котором я, с одной стороны, на геофаке читаю сама лекции, а с другой стороны, я вечерняя студентка, которая должна получить диплом. Разговариваю, ректор меня понимает и разрешает мне не сдавать. Иду к этому декану и говорю: «Вы не согласовали?» — «Не согласовал!» В общем, скотина в чистом виде! Я не знаю, то ли ему Яников чего-нибудь ляпнул, Яников мог где-нибудь. Но у меня вообще отношений никаких с ним не было. Ни разговоров, ни споров, и он мне никто! Ну, то есть, он начальник, конечно, но это не касается. . . А я думаю ещё, почему всё время, начиная с первого курса, я в списке должников. Я-то знала, что я всё сдала, и как бы не очень волновалась. А оказывается, это система! Представляешь,

какие бывают люди системные, да? Мыслящие системно. Это же надо было разработать!

И вот завтра уже — 1 августа. Значит, что? Всё закрывается. Пединститут вечерний, он закрывается! Все преподаватели уехали — кто по дачам, кто в Крым, кто куда. Все! А мне говорит этот: «Ну что же, вы осенью сдадите». Я до осени забуду, как маму звали! Ну, правильно? Стресс такой! И потом, у меня другие дела там осенью наваливаются! Что я, буду о вашей политэкономике думать, да? Ведь это такие предметы, где вообще слова сказать доброго нельзя.

Ян объездил все дачи.

— Ничего себе!

— Да. Он замечательный был очень, в этом смысле, человек. Вытащил с дач Варпаховского, Виленкина, Мордковича и кого-то из физиков... В общем, он их привез в Москву с дач. Утром...

— А, на комиссию?

— Да. Объяснил им, что со мной сделали, а какая сволочь этот Федятин — они и без нас знали! Но чтобы устроить вот такое? Причём и меня он знал, я ж говорю, я параллельно работала на геофаке преподавателем. Ну вот нахрен тебе надо, а? Мужик же, да? Я просто не понимаю таких людей! Это больные, по-моему, люди. Ну, не хочешь со мной общаться — ну скажи, обзови в лицо, я тебе, может, отвечу, а может, плюну и не буду отвечать. Понимаешь? Ну я просто не понимаю этой психологии! Значит, встретились мы... вот, если идти от Ленинского пединститута (Пироговская, дом 1, да?) в сторону Лужников — в конце будет «корпус математический». Тоже Ленинского пединститута. Там математики, биологи, геологи — все. А там шли приёмные экзамены уже первого августа. И пройти туда просто так нельзя, но с Виленкиным — пожалуйста. Ещё, конечно, были в комиссии историки, филологи. И их Ян притащил. Он уже на даче им объяснил, в чём дело. Они тут посмотрели на меня бедную, трясущуюся. Рядом с математическим корпусом какая-то кафешка. Сели там, нам дали выпить. С утра. И поставили мне отметку.

— И это был конец, последний экзамен?

— Да. Сразу по трём предметам: диалектический материализм, исторический материализм, политэкономия. И все они расписались в моей зачётке.

— А диплом Вам выдали уже осенью, да? Или...

— Я не помню, когда диплом... Есть он у меня где-то, валяется. Это не важно; важно, что бумаги Ян пробивал, чуть не по квартирам там ездил с этими девочками-секретуточками; договаривался, что он, кому, когда привезёт. Я отпала просто. Потому что

это очень тяжёлое напряжение, и вот нафиг оно мне было нужно? Спрашивается, зачем человеку такое устраивать? Вот просто так! Это рассказывать смешно, а на самом деле — хорошо не было полного нервного срыва. Потому что три года вот так жить чёрт-те как, ездить вечером, ночами на эти лекции. Причём все понимают, что толку-то — вышли из нас хорошие математики? Надо учиться более серьёзно, чтобы стать хорошим математиком! И понимать сначала азы. А потом в «эпсилон-окрестностях» разбираться, правильно? Без хороших азов никуда. . . Что у меня плохо с математикой, я поняла, когда переходила в восьмой класс, уже старший. Я в августе, за неделю до начала занятий, понимая, в каком я дерьме, взяла учебник. . . (телефонный звонок). Марина¹⁰ меня пасёт. Всё ли со мной в порядке. . . Добрая душа.

Так вот, на алгебру мне хватило недели. Ну я как готовилась — взяла учебник Киселёва и задачник Шапошникова-Вальцева. Ну я как: у меня хватило ума не сидеть над целым параграфом, а я брала верхушку, главную теорему. Я, во-первых, поняла какой-то смысл в этих теоремах. И не пыталась заучить, а просто пыталась решать примеры из этого задачника, где они уже были решены, но я не подсматривала. Пыталась сама, потом проверяла, если получалось; и пока не получалось, пробовала повторно. Всё. Я не брала весь учебник насквозь. Но я прошла его весь. То есть, без таких глобальных пропусков. И то же самое я сделала с геометрией. С геометрией у меня как-то всегда легче обстояло, ну потому что я мыслю, как-то, рисунком.

— Картография, да.

— Да-да. И это тоже. И мне это так помогло! Я стала понимать, чего там.

— Прямо за неделю!

— Да, вот. Дело в том, что я много раз пыталась что-то делать, и у меня не получалось, а тут я как-то обрезала себе задачу, уровень. Потому что я понимала, что новая эта учительница, что она такая-сякая, что она очень хорошая, с одной стороны, а с другой стороны, она душу вынет из тебя наизнанку. Ну и оказалось, она действительно очень хорошая учительница. Мария Христофоровна, фамилию уже забыла. Не забыла, где-нибудь всплывёт, это память такая, фигнёвая.

Так вы зачем приходили-то, я так и не поняла? Поговорить?

— Да, конечно!

¹⁰Марина Георгиевна Прозорова.

— Приходите ещё! Приготовьте вопросы! А то у вас на ходу вопросы возникают. Я не против поговорить, только вот я себя чувствую идиоткой, потому что я для вас как хозяйка — никудышная. Всю жизнь так... Не напоила кофе, чаем...